

ВЛАДИМИР
КОЩЕЕВ

КОРСАКОВ
ТОМ 2

Владимир Кошечев
Корсаков. Том 2

«Автор»

2026

Кошечев В.

Корсаков. Том 2 / В. Кошечев — «Автор», 2026

Балы, красавицы, дуэли, кутежи? На что ещё тратить вторую молодость, переродившись в семье дворянина императорской России XXI века? Увы, целитель не может не помогать, иначе его дар угаснет. А стоит спасти не того, как окажется, что теперь ты под прицелом. Одного не знают враги: жизнь и смерть - две стороны одной монеты. Я Иван Корсаков, и одной рукой я исцеляю, а второй - забираю жизни. Ну что, господа, поиграем? Угадай, в какой руке...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Кощеев

Корсаков. Том 2

Глава 1

Немногим ранее.

Москва, перекрёсток в юго-западном округе.

Мигалки полиции и скорой помощи освещали место аварии. Проезжающие мимо автомобили замедляли ход, чтобы объехать занятый двумя столкнувшимися машинами перекрёсток.

Первая с гербом Корсаковых на капоте, сейчас измятым в гармошку, зияла выбитыми стёклами. Фигура сидящего внутри водителя практически утратила человеческий облик. Влетевший в салон двигатель раздавил мужчину. Брызги крови заляпали изуродованный салон, и по ним одним было ясно, что на заднем сидении до аварии кто-то был – узкое пространство было слишком чисто.

Вторая машина была микроавтобусом без опознавательных знаков. Типовой автомобиль, будто только что выехавший из салона, даже без временных номеров. От столкновения ли вылетели все стёкла? Двери микроавтобуса были распахнуты и покорёжены. Кто бы в нём ни ехал, оставаться на месте он не пожелал.

Вместе с тем, что пассажир Корсаковых исчез, картина складывалась очевидная даже для последнего олигофрена. И старшему офицеру жандармерии она не нравилась категорически. Машина Корсаковых выехала из Кремля по направлению к родовому особняку. Внутри – Екатерина Владимировна, будущая фрейлина её императорского высочества, теперь похищенная неизвестными.

Рядом с местом аварии застыл автомобиль сопровождения с эмблемой правящего рода. Охранники, которые должны были сопровождать Корсакову, прибыли с задержкой в пять минут, когда всё уже закончилось. Застряли в стихийно образовавшейся пробке, зажатые между гражданскими машинами. Вели-то Екатерину Владимировну не как члена правящего рода, когда сопровождение едва ли не впритык двигается, а на расстоянии. Довели, мать его.

Родионов Платон Демьянович внимательно осмотрел бродящих вокруг места аварии специалистов. Медикам здесь оставалось только труп водителя забрать, но лишь после того, как спасатели вскроют дверь и извлекут останки. Полиция оцепила место, практически остановив движение на перекрёстке. Люди Долгоруковых свой транспорт пока не покидали – и правильно, чего топтаться на месте, мешая собирать улики профессионалам?

— Камеры? — спросил Платон Демьянович, когда к нему подошёл старший городской.

— Помехи, ваше высокоблагородие, — ответил тот. — У нападавших были глушилки, которые уничтожили удалённо.

Он протянул старшему офицеру планшет. На экране была отлично видна подъезжающая машина Корсаковых. А потом изображение засыпало белым шумом. Около минуты длились помехи, а когда они прошли, стало видно, что из микроавтобуса исходит облако дыма. Тоже, впрочем, испарившееся достаточно быстро.

— Свидетелей мне найдите, — распорядился Родионов, возвращая планшет полицейскому. — Не может такого быть, чтобы на оживлённом перекрёстке никто ничего не видел. Хоть весь город перетрясите, но найдите свидетелей.

Старший городской отправился выполнять указания жандарма, а сам Платон Демьянович обернулся на рёв двигателя. К месту похищения подкатывал внедорожник с гербом Корсаковых. Не успела машина затормозить, как из неё решительно вышла Анастасия Алексан-

дровна. Она ещё только шагала к старшему офицеру, когда с другой стороны появился новый автомобиль, видеть который Родионову не хотелось вовсе.

Герб Долгоруковых на капоте блестел угрожающе. И Платон Демьянович ощутил, как и без того паршивое дело становится ещё хуже. Конечно, похищение ученицы гимназии – это плохо. Но похищение человека правящего рода, а Екатерина Владимировна уже считалась таковой – гораздо хуже. И для виновных, и для тех, кто не сможет её найти.

Однако из машины Долгоруковых вышел молодой светловолосый парень в кителе цели-теля. И Родионов медленно выдохнул. Корсаков – это не так страшно, как члены правящего рода. О судьбе шефа жандармерии, уволенного с лишением всех заслуг и должностей, в ведомстве прекрасно знали. И повторить финал его карьеры никто не хотел.

— Где моя дочь?! — потребовала ответа подошедшая Анастасия Александровна.

— Ваше высокоблагородие, — обратился к ней старший офицер, но ответить толком не успел.

Иван Владимирович не стал тратить время на разговоры. Его глаза полыхали зелёным огнём, когда он растолкал экспертов, возящихся в салоне смятой машины Корсаковых. Всего пары мгновений ему хватило, чтобы осмотреть внутренности автомобиля.

— Сука, — шипение пронеслось над местом аварии, и его благородие решительно обернулся к матери. — Это Миронов.

Корсакова не стала спрашивать, почему её сын так уверен, лишь кивнула и, развернувшись на каблуках, отправилась обратно к внедорожнику, на котором прибыла. А её сын поспешил к автомобилю Долгоруковых.

Родионов не стал рваться задавать уточняющие вопросы. Когда Иван Владимирович, не переставая пылать своими глазами, лишь мазнул по нему взглядом, Платон Демьянович внезапно ощутил, как прямо перед самым носом пронеслась старуха с косой. И почувствовал – то, что он ещё дышит, всего лишь случайность.

Обе машины сорвались с места, но разъехались в разные стороны. Опомнившийся старший офицер выхватил служебный телефон.

— Свободную группу к особняку Мироновых, — приказал он. — Корсаковы будут их убивать. Остановите их!

К нему подошёл мужчина в форме Долгоруковых – один из тех, кто должен был сопровождать Екатерину Владимировну. Без слов вручив Родионову телефон, он убрал руки за спину.

— Платон, — раздался в трубке женский голос.

— Ваше императорское величество! — вытянувшись по струнке, поприветствовал старший офицер.

— Никто Мироновых спасать не поедет, — равнодушно произнесла государыня. — Мы обещали защиту и охрану Корсаковым. Наше сопровождение отрезали перед самым похищением. Езжай к Мироновым лично. Проследи, чтобы к утру Мироновых не осталось.

— Будет исполнено, ваше императорское величество.

— Мои люди уже предупреждены, поступают в твоё распоряжение. Действуй.

Родионов вернул телефон охраннику, и тот спокойно кивнул в ответ.

— Поехали, — скомандовал Платон Демьянович.

Ему совсем не нравилось, куда свернуло дело. Конечно, теперь его карьера пойдёт в гору, но то, что его повяжут кровью, приказав участвовать в уничтожении дворянского рода, не могло не создать кучу врагов среди благородного сословия.

Но когда Железная Екатерина приказывает, разве можно ей отказать?

* * *

Сейчас.

Москва. Иван Владимирович Корсаков.

Сообщение о похищении сестры застало меня на выходе из «Мидины». Дарья приказала выделить мне машину, так что на место я примчался с ветерком. Голову разрывали противоречивые мысли.

Мне обещали, что сестру защитят, а в итоге что? Могут быть сотни оправданий, но суть одна. Катю Долгоруковы упустили. И Дарья Михайловна понимала это прекрасно, потому и организовала мне транспорт.

Место аварии промелькнуло перед глазами, не задерживаясь в памяти. Я заглянул в салон нашего автомобиля, машинально отметил, что Никите, нашему водителю, уже ничем давно не поможешь. А затем осмотрел салон и едва сдержался, чтобы не дать волю гневу.

На полу имелась кровь, и я прекрасно знал, кому она принадлежит. Ублюдок, однажды уже поплатившийся за то, что лез к моей сестре, решил повторить. А в процессе порезался о разбитое стекло. Больше задерживаться здесь не было смысла.

— Сука, — прошипел я, переживая вспышку ярости.

Высунувшись наружу, я нашёл взглядом мать. Пока эксперты разберутся, всё уже будет кончено. Раз Матвей решил на такой шаг, оставлять Катю в живых он не собирается.

— Это Миронов, — сообщил я и тут же направился к выделенной мне машине.

Не слушая и не глядя, что происходит вокруг, я запрыгнул в салон. Человек Долгоруковых за рулём, всё это время не гасивший двигатель, стартовал с места. Он меня прекрасно слышал и уточнять, куда мы сейчас поедem, даже не подумал.

Это в моём прошлом мире подобное заставило бы нас сидеть и ждать звонка от похитителя или собирать деньги для выкупа. В этом мире всё кончалось быстрее – оружие в руках и твои враги напротив.

— Вас вызывает государыня, — сообщил водитель, после чего переключил звонок на громкую связь.

— Иван, — услышал я голос её императорского величества. — Я не стану оправдываться, что не уследила за твоей сестрой, как обещала. Вызов бросили не только Корсаковым. Я отдала приказ, никто не станет вмешиваться в твоё личное дело. Жандармы проследят, чтобы особняк Мироновых был оцеплен, и никто оттуда не вышел.

— Я понял, — ответил я.

Говорить спасибо не стал, благодарить здесь не за что. Ещё более жидко обделаться Долгоруковы просто не могли. Мало того что из-за Мироновых государыня нарушила своё слово, так и человека её дочери похитили прямо под носом охраны Долгоруковых. Куда уж сильнее макать в дерьмо престиж правящего рода.

— Мы обсудим, когда всё кончится, — добавила прекрасно понявшая мой настрой императрица.

Звонок прервался. Водитель открыл бардачок и вынул из него пистолет.

— Нужно, ваше благородие? — уточнил он, протягивая оружие мне.

— Давай, — не стал отказываться я.

У меня и свой ствол, конечно, был. Но иметь запасной куда лучше, чем не иметь. К тому же я не ношу с собой арсенал и хранилище боеприпасов. У меня один магазин, и тот уже вставлен. А здесь пластиковый пистолет, специально предназначенный, чтобы проходить через любые рамки и обманывать детекторы.

Мироновы имеют склонность к магии земли. А это значит, что и металлами в некоторой степени способны управлять. Устроить аварию, выдернуть надёжный двигатель, чтобы втолкнуть его в салон и убить водителя. Много применений можно придумать, если желаешь убивать. Вырвать обычное металлическое оружие из моих рук им бы ничего не стоило.

До особняка Мироновых мы добрались минут за двадцать. Машина резко повернулась на месте, встав так, чтобы от угрозы со стороны дома меня отделял автомобиль, и я выбрался

наружу. Невысокий металлический забор, кованые ворота с гербом Мироновых. В доме горел свет, охрана бродила по территории без особого напряжения.

Они, похоже, ещё даже не знали, что случилось. Впрочем, моя ли это проблема?

Спокойно обойдя транспорт Долгоруковых, я подошёл к воротам, на ходу прибегая к дару. Фигурки живых людей, попавших в радиус действия моей магии, подсветились. Зона охвата выросла – сказалась интенсивная практика. Теперь я бы тех наёмников, которые в нас стреляли, поймал, не покидая машины.

В отдалении прозвучала полицейская сирена. Ко мне направился один из охранников – неспешно, но и не затягивая. На мне китель целителя, я же в «Мидину» со службы поехал, так что боец запросто мог решить, что я здесь по службе.

— Представьтесь, — потребовал охранник, подойдя на расстояние трёх метров.

Вместо разговоров я отдал приказ, и тело мужчины дёрнулось. Двигаясь, как марионетка, он добрался до кнопки открытия ворот и вдавил её, позволяя мне войти. Лицо охранника судорожно подёргивалось – я не церемонился, когда заставлял тело слушаться целителя.

Практика, практика, практика. Взять вот так пребывающего в сознании человека ещё до моего поступления в корпус было бы невозможно. А сейчас ничего, справился. Тяжело, но реально.

Пройдя на территорию, я сделал последнее усилие, и охранник рухнул на землю, лишённый сознания. Его напарники, ожидавшие чуть в стороне, потянулись за оружием. Но выхваченные короткие винтовки оказались направлены друг на друга.

Один из них попытался заорать, но я сдал ему глотку спазмом. Моя ладонь окуталась пламенем, и все трое попадали на тропинку, опоясывающую особняк. Камеры за всем наблюдали, а потому в доме началась суeta – я видел замельтешившие силуэты. Зрение, позволяющее мне разглядеть вероятных пациентов сквозь стены, показывало, как одни люди поднимаются наверх, другие, наоборот, занимают места у окон.

Подняв руку с огнём на ней, я усилил собственный голос.

— Миронов!

Глава рода был дома, его я прекрасно запомнил, ведь мы столкнулись после конфликта с его сыном, моим бывшим одноклассником. Вокруг Льва Семёновича крутились ещё двое человек, но самого Матвея среди них не было.

— Где моя сестра, ублюдки?! — крикнул я ещё раз, после чего взмахнул ладонью.

Охрана, приготовившаяся открыть огонь, повалилась на пол. Пока что ещё живая, но уже не способная сопротивляться. Перерубленные нервы им дышать позволяли, а вот воевать – уже нет.

Магия хлынула в ногу, наполняя её мощью, и я ударил стопой в двери особняка. Замок выломало, створка повисла на петлях, и я без задержек вошёл внутрь.

— Звони своему сынку, ублюдок, — продолжил усиленным голосом я, быстро заскакивая на лестницу. — Иначе я вырежу всю твою семейку.

Снаружи прозвучала и тут же заглохла сирена. Освещение в доме погасло, погрузив особняк во тьму, и я ощутил, как встают волосы по всему телу. Что бы ни делали Мироновы, удар должен был оказаться крайне мощным.

Наэлектризованным воздухом было почти невозможно дышать. Кислород конденсировался на стенах, полу и потолке, но от меня разлетался во все стороны. Однако я тоже не пальцем деланный мальчик. Управлять собственным телом гораздо проще, чем чужими. А потому достать кислород, чтобы вбирать его всей поверхностью тела – плёвое дело, если знаешь как.

Проходя мимо стонущих от боли и ужаса охранников, я на калек даже не посмотрел. Вместо этого выстрелил в сторону кабинета ещё дважды. Первая пуля ударила в стену, вторую отшвырнуло прочь прямо в полёте. Она врезалась в закрытое окно, выбивая стекло.

— Я считаю до трёх, — предупредил я, прежде чем дойти до двери, за которой сидел глава рода.

Магнитное поле вырвало у меня мой пистолет, разорвав кобуру. Притянутое к стене оружие ничуть меня не тревожило, второй-то ствол пластиковый. Так что я вновь ударил ногой в створку, но она даже не дрогнула.

— Раз!

Отступив к окну, я сжал кулак, и по ту сторону двери рухнул, крича от боли, наследник рода Мироновых.

— Два!

Пальцы разжались, и новый истошный вопль раздался из кабинета – средний сын главы рода чувствовал, как горит безо всякого огня. По ощущениям с него снимали кожу заживо. И ему это не нравилось.

— Три! — объявил я.

— Стой! — рывкнул глава рода, и замок в двери щёлкнул. — Я всё сделаю!

Я открыл створку и переступил порог кабинета. Седой мужчина, склонившийся между двумя своими сыновьями, посмотрел на меня залитыми кровью глазами. Что он здесь такого делал, что от напряжения капилляры полопались? Какое заклинание они вместе готовили, чтобы меня остановить?

— Звони Матвею, — приказал я. — Иначе твои дети умрут у тебя на глазах. Я не шучу.

Телефон прыгнул ему в руку, и глава рода отправил вызов. Дураком он не был и включил громкую связь, а потому я тоже несколько секунд слышал только длинные гудки. Стоящий на коленях между двумя стонущими от боли молодыми людьми мужчина на глазах бледнел и всё сильнее трясся.

Чтобы не отвлекать его, я заставил обоих Мироновых заткнуться. Им не перестало быть больно, я просто запретил им издавать звуки. Так что вид сыновей, беззвучно распахивающих рты, заставил главу рода побледнеть ещё сильнее.

— Матвей! — рывкнул он, едва младший сынок соизволил взять трубку. — Что ты натворил, сукин ты сын?!

В голосе отца прозвучали с трудом сдерживаемые слёзы.

— Отец, что случилось? — самодовольно отозвался тот. — Я здесь отдыхаю после дел праведных. Чего ты орёшь?

— Ты похитил сестру Корсакова! Ты дебил! Ты всех нас подставил! Он здесь пытается твоих братьев! Где ты, мать твою?

Несколько секунд с той стороны звучала лишь тишина.

— Матвей! — требовательным тоном рыкнул глава рода.

— Так, значит, я теперь наследник? — задал неожиданный вопрос мой бывший одноклассник.

— Да что ты мелешь, ублюдок?! — зарычал мужчина. — Немедленно верни Корсакову, или я тебя изгоню. Ты меня слышишь?

— Нет, — отрезал Матвей. — Пока ты не назовёшь меня наследником рода Мироновых, я ничего не стану делать. Пусть Корсаков вас мучает, мне-то что? Стану последним выжившим в роду и получу главенство.

— Ты ублюдок, мать твою, — прошипел глава рода. — Хорошо, я назначу тебя наследником рода. В обход твоих братьев. Теперь доволен?

— Вот теперь другой разговор, — согласился тот. — Сейчас привезу эту дурочку. Нет, ну как же удачно получилось-то...

Он бросил трубку, и его отец перевёл взгляд красных глаз на меня.

— Ты всё слышал. Отпусти моих детей. Я сам за этого выроodka отвечу. Пожалуйста, Иван. Клянусь, я не знал.

Я кивнул, и оба сына перестали извиваться на полу. Теперь они мирно спали. Размеренно и глубоко, как будто ничего только что не случилось. Усевшись в кресло для посетителей, я закинул ногу на ногу.

— Ждём, Лев Семёнович, — объявил я.

Он так и не поднялся с пола, просто подгрёб обоих сыновей к себе и, обняв их, сидел, чуть покачиваясь. Мог бы он защищаться? Да нет, конечно. Мало того что его сын напал на семью целителей, так я ещё и приближённый будущей императрицы. Это Матвей мог быть идиотом и ни о чём не знать, глава рода был обязан держать руку на пульсе.

Несложно догадаться, что раз я здесь, а снаружи до сих пор не ломаются силовики, останавливать меня уже никто не станет. А государыня не простит нападения на целителя. Мою семью задела, значит, и на меня покушались. Наказание непременно будет, но Лев Семёнович может пожертвовать младшим сыном, чтобы сохранить семью.

Во двор въехал автомобиль с гербом Мироновых. Я повернул голову на звук и вновь воспользовался даром. Сестра была в машине, судя по всему, напуганная, но не пострадавшая.

— Идём, — велел я, первым поднимаясь на ноги.

Лев Семёнович кивнул и медленно встал, я положил руку ему на плечо и повёл впереди себя. Мы прошли через особняк и вышли на крыльцо как раз к моменту, когда Матвей вытащил Катю из машины.

Он толкнул её в спину, заставив упасть на колени, и с самодовольной улыбкой крикнул:

— Что, Ваня, понравилось? Смотри, как твоя сестрёнка передо мной на коленях стоит, и я могу сделать с ней всё...

Он не сумел договорить. Сложно разговаривать, когда все твои кости выворачивает из тела. Выпученные глаза Матвея лопнули, выскальзывая из черепа, сама голова сжалась, выдавливая содержимое наружу.

Вскрикнувшая от ужаса Катя рванулась прочь, а под моей рукой задрожал глава рода Мироновых. Я отпустил его и двинулся к сестре. Она рванула ко мне со всех ног, и тут грохнул выстрел.

Я подхватил сестру, закрывая её спиной от главы рода Мироновых. Но он уже никому не мог угрожать. Пуля, разmozжившая голову Льва Семёновича, не оставила ему шанса на месть. Водитель, который меня привёз, убрал ствол и двинулся к воротам.

Из машин, которые за это время успели подъехать к особняку Мироновых, хлынула толпа вооружённых мужчин. Среди них я легко опознал Родионова, хоть старший офицер и надел шлем, прикрыв лицо щитком. Платон Демьянович шёл по территории особняка и лично контролировал, чтобы выживших не осталось. А спецназ жандармерии, вперемешку с людьми Долгоруковых, зачищал охрану.

— Всё закончилось, — погладив рыдающую сестру по спине, прошептал я. — Ничего не бойся, я с тобой. Пойдём отсюда, тебе больше никто не посмеет угрожать.

Оставаться и смотреть, как Железная Екатерина исполняет своё обещание, отмывая собственное имя от позора, я не горел желанием. И сестре это было не нужно. Но доверия к императрице у меня больше не будет.

Глава 2

Кремль, рабочий кабинет её императорского величества.

— Ты обещала моей дочери защиту!

Анастасия Александровна не сдерживала гнева, глядя на сидящую перед ней императрицу. По бокам от неё стояли бойцы Долгоруковых, однако вмешиваться не спешили – приказа хватать Корсакову не было, однако если бы глава рода позволила себе что-то сделать, её мгновенно нейтрализовали бы.

Да, целителя вырубить – это не обычного человека накачать. Потому в стволах ждали своего часа лошадиные дозы снотворного. Обывателя они бы убили, целителя уровня Анастасии Александровны усыпали бы на полчаса. Сама магия защищает целителей от любых седативных средств.

И хотя по мнению командира охранения стоило бы главу рода Корсаковых, смеющую кричать на императрицу, успокоить, он прекрасно понимал, что действовать без приказа никак нельзя. Не первый год при дворе, насмотрелся всякого. Сейчас вмешиваешься в разговор двух старых подруг и выйдешь крайним. Императрица с Корсаковой помирятся, а ему в личном деле такого напишет начальство, что потом на улице только милостыню собирать останется.

Екатерина Юрьевна, обнимающая бокал с тёмным напитком, выглядела неважно. Несмотря на свой достаточно молодой возраст, сейчас государыня походила на пятидесятилетнюю. Осунулось лицо, проступили морщины, взгляд погас.

— Я отомстила, — заявила государыня. — Мироновых к утру не останется.

— Ты отомстила? — жёстко усмехнулась Анастасия Александровна. — Да если бы не мой сын, твои люди до сих пор не знали бы, что делать! И после этого ты ещё что-то хочешь сказать мне про старую дружбу? Про то, что моя семья не пострадает? Она уже пострадала.

Её императорское величество устало вздохнула и, сделав мощный глоток из бокала, поморщилась.

— Чего ты хочешь, Настя? — прямо спросила она.

— Я хочу, чтобы вы – и ты, и Долгоруковы – отстали от моей семьи. Хватит, мы и так уже натерпелись. Не успел сын на службу выйти, в него уже стреляют. Один раз с Дарьей Михайловной показался, и его уже заманивают в свои придворные интриги Лопухины. Теперь мою дочь похитили. Что дальше? В наш дом вломятся очередные твои враги, чтобы меня изнасиловать?

На лице государыни появилась усмешка.

— А что? Тебе бы не помешало себе мужика завести, так, Настенька, исключительно здоровья для. Глядишь, не такая злая была бы.

Глаза Корсаковой полыхнули зелёным, да так мощно, что вся охрана сделала шаг назад. Каждый присутствующий в кабинете ощутил, что ещё миг такого давления, и всё, холодный труп повалится на пол. Они даже не сумели оружие поднять! Да что там оружие, едва удержались, чтобы не разбежаться в ужасе, бросив государыню одну с этим чудовищем.

Сама Екатерина Юрьевна осталась сидеть, лишь плотнее вжалась в кресло. Всю усталость с неё смыло, на глазах лицо оживало, тело выпрямлялось. Пропали морщины, будто смытые лёгкой зелёной волной.

Всё заняло пару секунд, и давление схлынуло. Императрица вскинула ладонь, запрещая вернувшей самообладание охране действовать. А затем легко поднялась на ноги. Так легко, как будто ей снова семнадцать лет.

— Это – мой прощальный подарок, Катя, — ледяным тоном произнесла Корсакова. — С этого момента не приближайся к моей семье. Я забираю дочь, больше она в Кремле не

появится. И не думай, сыну я всё тоже расскажу. А сама можешь найти себе мужика. Поздравляю, ваше императорское величество, вы больше не бесплодны.

На лице Екатерины Юрьевны мелькнула тень радости, быстро сменившаяся гневом. Но Анастасия Александровна не стала больше ничего слушать. Резко развернувшись, она покинула кабинет, не дав государыне выразить благодарность.

И это было хуже пощёчины. Потому что даже Ларионов разводил руками и никак не мог исправить последствий первых родов. А Настя... Две секунды...

— Оставьте меня! — рявкнула государыня.

Охрана покинула кабинет, и Екатерина Юрьевна, рухнув обратно в кресло, закрыла лицо руками. Рыдания вырвались наружу, переходя в крик.

Сама всё испортила. Отказалась от Корсаковой, лишилась возможности родить второго ребёнка. А Настя всё это время могла исцелить её, пока был жив Миша. И куда теперь ей, вдове, второе дитя? Никто его не примет, а если родится бастард, репутация будет уничтожена.

Если раньше она не могла родить, и даже запретила себе сожалеть об этом, то теперь она могла бы дать жизнь наследнику престола. Но никак не могла этого сделать. Ведь никто не даст ей повторно выйти замуж – потому что она не Долгорукова, а Шереметева.

Больнее Корсакова сделать просто не могла.

* * *

Особняк дворянского рода Корсаковых. Иван Владимирович Корсаков.

Я сидел в комнате сестры и держал её за руку.

Катя долго не могла успокоиться, и только моё присутствие, близкий контакт, помогли ей забыться тревожным сном. Она вздрагивала, стонала во сне, и с каждым разом я мрачнел всё больше.

Матушки до сих пор не было дома, но сообщение от неё о поездке в Кремль я получил. О чём глава рода будет говорить с императрицей, я примерно догадывался. Но какие бы обещания Екатерина Юрьевна ни давала, веры ей уже не будет. Кажется, я начинаю понимать, почему глава рода Корсаковых настолько сомневалась в старой подруге, когда та зазывала нас к своей дочери.

Хвалёная охрана, которую отогнали парой машин – это что такое, это обещанная защита? Настолько наплевательского отношения ни я, ни матушка ожидать не могли. Повезло, что я успел и определил по крови, кто виновен. А если бы нет?

Вот что стоило Матвею вместо того, чтобы самому в машину за Катей лезть, подчинённого туда послать? И никакой бы дар мне не помог, ведь я бы этого человека не знал. Чем кончилась бы эта история, учитывая, что Миронов явно умом тронулся, раз так всё обставил? Я-то знал, что он совсем рассудка лишился и отца шантажировал.

Императрица убьёт всех Мироновых, если ещё этого не сделала, и я стану единственным носителем этого секрета. А значит, никто не узнает, что Матвей явно был либо под веществами, либо под чьим-то влиянием. С чего он был уверен, что ему всё сойдёт с рук? А он на это рассчитывал, когда требовал от отца признать его наследником. Нет, Матвей и раньше был придурком, но не настолько же?

Катя заворочалась на кровати, и я чуть сильнее сжал пальцы на её руке. Сестрёнка вздохнула немного свободнее.

Жаль, но наш дар не позволяет стирать психологические травмы. Плевать на то, что обязательно про похищение прознают и попытаются испятнать репутацию сестры. Длинные языки я сумею укоротить и сам, я же старший брат. Психика у несовершеннолетней девчонки меня беспокоит гораздо сильнее.

А что потенциальных женихов станет поменьше – так это не страшно. Когда подойдёт время замужества, я костями лягу, но найду для сестрёнки подходящего супруга, который будет на руках её носить и пылинки сдувать.

— Ваня, — услышал я осторожный шёпот матушки. — Как она?

Я вздохнул, переводя взгляд на главу рода Корсаковых. Анастасия Александровна не выглядела напряжённой, однако это ничего не значило. Как и всякому целителю, ей пришлось насмотреться на очень многие вещи, а потому определённую стойкость матушка приобрела.

— Плохо, — не стал юлить я. — Заснула недавно.

Глаза матушки полыхнули зелёным огнём, и она кивнула мне.

— Присмотришь за ней? Я должна сделать пару звонков.

— Конечно.

Анастасия Александровна покинула комнату дочери, на ходу извлекая телефон. Я примерно догадывался, кому она станет звонить. После того приёма у Никитиных матушка постоянно пропадала по вечерам на их маленьких собраниях. Постепенно, шаг за шагом, складывалась коалиция из наших семей.

И никто даже не думал сторониться Ростовых. Что, впрочем, неудивительно. Горе, как и победы, сближает. А после пережитого нам сам бог велел объединиться.

Другое дело, что я даже близко не представлял, что здесь можно сделать. С другой стороны, что Инна, что Маргарита о пережитом практически не вспоминали. А ведь тоже прошли через ад. Это я старый хрыч, живущий второй раз, они-то обычные девчонки с дворянским титулом.

Вздохнув, я забрался к сестре на кровать и обнял её. Катя так и не выпустила мою руку.

* * *

Дворянский особняк Лопухиных, столовая.

Алексей Максимович с самым довольным видом набирал ложкой овсянку с бананом, ягодами и апельсиновым вареньем. Остальные члены рода сидели по обе стороны от него в порядке старшинства. Сегодня, вопреки традиции, присутствовали главы боковых ветвей. Всех, кроме Архангельской. И это само по себе кое-что значило.

Василий Алексеевич, размещённый по правую руку от отца, уже перешёл к кофе. Тот, кому прочили место будущего императора, выглядел скорее задумчивым. Но у него и без всяких новостей хватало забот. Одну только свою свиту следовало держать в стальном кулаке, а ведь там люди собрались далеко не самые приятные. И между ними регулярно возникают конфликты, которые Василий Алексеевич, на правах патрона, должен разрешать.

Из женщин за столом присутствовала только троюродная внучка главы рода, прилетевшая из Выборга. Благородная вдова, не прожившая в браке и года, своим замужеством принесла Лопухиным несколько миллиардов прибыли – других наследников у покойного не имелось. И тот факт, что от мужа, неспособного по возрасту исполнять свой долг, досталось такое наследство, а ей даже делить постель с ним не пришлось, несказанно радовал девушку.

— Так, — отставив пустую тарелку, которую тут же убрала молодая служанка, заговорил Алексей Максимович. — Сейчас будем обсуждать текучку. Вопросов накопилось много, давно не собирались полным составом. Пора выработать решения и начать реализовывать их. Начнём с самого маленького нашего успеха. Светочка, будь добра, расскажи роду свою историю.

Сидящая в траурном домашнем наряде вдова одарила главу рода улыбкой и начала свой рассказ. Присутствующие слушали повествование о том, как награждённый герой Российской империи получил молодую жену на старости лет, но так и не сумел – даже с помощью лекарств и целителей – исполнить свой супружеский долг.

Ещё бы у него в штанах что-то работало, когда твоя супруга делает всё так, чтобы ты не смог!

Подкошенное здоровье, старость и постоянный стресс от мысли, что он уже не мужчина – всё это привело к неминуемой смерти. Зато муженёк оставил активы в наследство, и теперь Светлана Константиновна стала одной из самых обеспеченных вдов Российской империи.

— Вот не зря я говорил, что из этого брака выйдет толк, — с улыбкой кивнул закончившей свой рассказ внучке Алексей Максимович. — И денюжат для рода заработала, и целой осталась. А, Светочка? Теперь не жалеешь, что добрый дедушка за тебя похлопотал перед императрицей?

Внучка чуть покраснела и опустила голову.

— Не жалею, спасибо, дедушка. Ты как всегда был прав.

Глава рода довольно усмехнулся, после чего перешёл к следующему вопросу.

— Как вы заметили, архангельских здесь нет, — начал новую тему он. — Вывод, который вам нужно из этого сделать – скоро в Архангельске появится новая семья, которая будет представлять наш род там. Поэтому Светлане нужен подходящий супруг, из местных, само собой. Он должен быть адекватен, беден и известен в Архангельске. Я уже отправил Никиту Даниловича собрать информацию. Когда он вернётся, ты, Светочка, готовься к новой поездке. Мы выберем подходящего кандидата тебе в мужья. Вас представят, ты ему поплачешься о своей горькой судьбинушке, потом я сделаю ему предложение. Твоему мужу достанется кресло губернатора, это уже решённый вопрос. Сама ни во что официально лезть не будешь, но роль заботливой матушки, будь добра, исполни. Тебя в Архангельске должны боготворить. Возьмёшь под себя сирот, вдов и прочих. Деньги у тебя теперь есть, не скупись, если не хватит – мы добавим. Раз в месяц буду ждать тебя в Москве с докладом. Заодно и отдохнёшь в столице, и наряды себе выберешь, или чем там ещё девицы развлекаются. Да! Мальчика нужно родить обязательно, наследник необходим. Если твой супруг тебе не понравится, сделаем его бесплодным, а я тогда здесь подберу тебе похожего внешне мужчину. Родишь от любовника, твой мужёнок ничего не узнает. Целители у меня верные есть, сделают всё, как надо.

Светлана Константиновна заулыбалась шире и кивнула. Спорить с дедом после того, как он обеспечил ей безбедное существование, она уже не хотела. Год назад, когда Алексей Максимович выбрал её для брака со стариком, девица плакала и упрячилась. Но дедушка помог решить вопрос так, что Светлана Константиновна как сыр в масле каталась всё время замужества. И теперь ей стало очевидно, что на этом её роль в планах Лопухиных далеко не последняя.

Архангельский губернатор – это не просто крайне престижная должность, на которую назначают императорской властью. Это доход от международного морского порта, практически неограниченная власть над богатым регионом. А кроме того – при поддержке деда должность может стать наследственной. Главное, всё сделать так, как Алексей Максимович скажет. Ибо дедушка уже доказал, что знает, как решать вопросы к выгоде не только всех Лопухиных, но и каждого члена рода лично.

— Следующий вопрос, — объявил глава рода. — Сегодня ночью, как вы знаете, императрица перебила Мироновых. Разумеется, не собственными руками. Матвей Миронов, будучи в конфликте с Корсаковым Иваном ещё в гимназии, загорелся идеей мщения. Пришлось парню помочь, конечно, а то он сам не понимал, какой шанс ему представился.

На лицах присутствующих возникли понимающие улыбки.

— Напомню тем, кто не в курсе. Иван Корсаков – ставленник императрицы, целитель из свиты наследницы престола. При этом Вася, — Алексей Максимович указал на сына, — с ним тоже познакомился и активно пытается перетянуть его на свою сторону. У Корсакова есть сестра, малявка. К этой малявке Миронов ещё в гимназии приставал, за что Иван Корсаков устроил ему публичное наказание. За то время, пока Матвей придумывал способ мести, малявка вслед за братом стала человечком Дарьи Михайловны. Государыня обещала ей безопасность.

Присутствующие члены рода Лопухиных слушали крайне внимательно. Большинство из них в Москве находились редко, и всегда проездом. У каждого имелись собственные дела и вопросы, которые нужно было решать. Но что вертится в столице, понимать из них был обязан каждый.

— Мы немного подтолкнули Матвея, и он похитил малявку прямо из-под носа у охраны Долгоруковых, — продолжил Алексей Максимович. — Иван Корсаков решил с ним вопросы, как полагается – лицом к лицу. Однако Катька попала в ловушку. Слово ведь она дала, и из-за Мироновых получилось, что не сдержала. Так что приказала весь род пустить в расход.

Глава рода Лопухиных прервался, чтобы сделать глоток кофе.

— Плохо получается, — высказал своё мнение глава калужской ветви. — Охранники Долгоруковых обгадились. Не затаят на нас?

— Почему они должны на нас ополчиться, Федя? — уточнил сидящий напротив него представитель новгородской семьи.

— С царицей всё и так понятно, она уже сбитый лётчик, и на троне ей не удержаться. А как только Вася возьмёт Дашку в жёны, Катька из Кремля вылетит в первый же час, — принялся пояснять Фёдор Максимович. — Кто она такая, чтобы там сидеть, Шереметева? Так престол у Долгоруковых, а Катька всего лишь бывшая жена императора. И Долгоруковы с радостью свалят на неё все просчёты и грехи, а потом в монастырь законопатят. Но мы-то останемся, и суматоха, которая сейчас начнётся, может не вписываться в их планы.

— Об этом не переживаем, — приподняв ладонь над столешницей, объявил Алексей Максимович. — С Долгоруковыми мы всё обговорили ещё вчера, и к нам претензий не будет. Им тоже не нужны в окружении Дашки люди, верные Шереметевым. Так что обоих Корсаковых мы плавно ототрём от Катьки. Он – целитель, она – универсал. Нам самим такие пригодятся...

Поднял голову представитель смоленской ветви.

— А Корсаковы это не те ли, кто нам долги выплачивал? Что-то мне припоминается такое.

— Они самые, — подтвердил глава рода.

— Так, может быть, можно подсказать им, где папашу искать? — с усмешкой предложил тот. — Вряд ли, конечно, сама Корсакова этим заинтересуется, а вот детишки вполне могут клонуть. Тем более пропавший без вести сменил имя и семью вторую завёл. Опять же, живёт на всём готовом, кушает с золота. Судя по тому, что Иван сотворил с Матвеем, у него найдётся, что папеньке высказать.

Алексей Максимович погладил подбородок.

— Вот мы уже и нашли, с чем к Корсаковым подойти, — хмыкнул он. — Вася, мотай на ус. Когда организуем следующую вашу встречу, у тебя будут аргументы с ним нормально пообщаться.

Василий Алексеевич замедленно кивнул.

— Как скажешь, отец.

Глава 3

Корпус целителей. Иван Владимирович Корсаков.

Как бы ни хотелось остаться с сестрой, но у меня есть служебные обязанности, и никто меня от них не освободит. Так что с утра я отправился в корпус, где меня уже ждал Метёлкин.

— Ну что, Иван Владимирович, — проговорил куратор, — готовы спасать жизни?

— Готов, Всеволод Серафимович.

— Тогда поехали, — кивнул он. — Расписание у нас сегодня плотное. Контроль у вас подрост, будем отрабатывать полное исцеление без расхода лишних сил. Посмотрим, насколько вы теперь способны управлять своим даром.

О том, что ночью произошло, он наверняка был в курсе. Однако поднимать эту тему не собирался. Метёлкин вообще наплевательски относился ко всему, что не касалось его прямых обязанностей. Зато в своём деле не одну собаку съел.

— Быстро, — хмыкнул я, направляясь вслед за своим куратором.

Корсаковых вообще нельзя назвать слабыми целителями. Хотя матушка рассказывала о временах своего становления на этом пути, однако я вынес из её истории, что там прогресс был куда медленнее. Но, памятуя о способностях прадеда, ничего в своих успехах особого не видел. Если верить семейной хронике, вот там прогресс действительно семимильными шагами двигался. Я на фоне предка улитка.

Всеволод Серафимович не стал оборачиваться, ответил на ходу:

— Скажите спасибо своим врождённым способностям, — произнёс он. — И, конечно, тому объёму практики, который вам удалось получить. Грешно говорить, но стабилизация людей в том теракте серьёзно вам помогла. Немногие бы на вашем месте протянули так долго. И покрепче целители горели.

Конечно, звучало вроде как похвала, однако главным было заявление о том, что, вообще-то, мы могли действительно лишиться дара. И самое важное – Метёлкин этого с самого начала не скрывал и не собирался прикидываться, будто не станет повторять при необходимости. Дар целителя обязывает лечить людей. И других вариантов здесь просто нет.

Уж точно не в глазах Всеволода Серафимовича.

В гараже сегодня было не протолкнуться. Целители грузились в дежурные машины, новые автомобили закатывались на парковку, чтобы забрать своих пассажиров. Интенсивное движение не прекращалось ни на секунду, однако народ действовал с механистической точностью, так что проблем не возникало.

— Пётр, — кивнул нашему водителю Метёлкин. — Садись за руль, нам пора выдвигаться.

Шофёр распахнул ему заднюю дверь и сам отправился на место. Я же обходил автомобиль с другой стороны, и помощь мне не требовалась. Я, конечно, хоть и дворянин, но в иерархии корпуса – птичка мелкого полёта. Так что ничуть не удивительно, что Метёлкину дверь открывают, а я сам обхожусь.

— Итак, — включив свой планшет, произнёс Всеволод Серафимович. — Сегодня у нас в меню всё такое вкусное, даже не знаю, с чего начать.

Я улыбнулся на незатейливую шутку. Сам я пока в расписание не заглядывал. Однако догадаться, что у моего куратора если и есть тяга к юмору, то исключительно к чёрному, мне ума хватало. А потому я заранее был готов, что день у нас будет максимально не способствующий аппетиту.

— Начнём вот с этой лакомки, — озвучил Метёлкин. — Лептоспироз, в уже запущенной форме с поздним диагностированием. Самое то, чтобы взбодриться с утра, не правда ли, Иван Владимирович?

— Справимся, — пожал плечами я.

— На второе блюдо у нас сегодня два случая чумы, — продолжил читать вслух куратор, но тут же прервался. — Интересно, откуда они её притащили?

Я уже достал свой планшет и просмотрел данные пациентов. И ничуть не удивился, когда понял, какая между ними связь.

— Похоже, в лаборатории что-то случилось, — ответил я. — Пациенты – коллеги. Возможно, работали с чумой, да неосторожно. Заразились в одно время, но доставили их в разное. Мужчина продержался дольше, женщина обнаружила симптомы раньше.

— Хорошо хоть догадались их в разные госпитали не развозить, — хмыкнул Метёлкин. — Впрочем, не наша проблема. Третий пункт – туберкулёз. Ну а дальше уж совсем банальное: гепатит А, менингококк, и всё в том же духе.

Всё это время автомобиль выбирался с парковки и сейчас оказался на улице, где Пётр сразу же добавил скорости. Машина понеслась по дороге, вливаясь в поток.

Пока мы направлялись к первому госпиталю, у меня мелькнула мысль, что, если бы я не знал Метёлкина так хорошо, насколько мне уже это удалось, предположил бы, что он таким образом отвлекает меня от переживаний о сестре. Но мне не верилось в подобное сострадание от Всеволода Серафимовича.

Тяжёлая работа и страдания пациентов – что может лучше отвлечь от мыслей? О нас самих можно было не переживать совершенно – дар, если он не выгорел, защищает целителя от любых инфекций. Целители способны войти в рассадник чумы и хоть всех больных там облобызывать, выйдут всё равно совершенно здоровыми.

Я листал данные в планшете, изучая пациентов и с чем мне предстоит встретиться. Конечно, инфекции – это неприятно, но хотя бы этим людям сегодня однозначно повезёт.

Ведь раз мы к ним едем, значит, они будут спасены.

* * *

Особняк дворянского рода Корсаковых.

Екатерина Владимировна лежала в постели, глядя в потолок собственной спальни. Воспоминания о случившемся накатывали раз за разом, заставляя вновь и вновь переживать тот ужас.

Сидящая в комнате служанка следила за младшей Корсаковой, и единственная в семье, кому не досталось дара целителя, прекрасно понимала – чтобы она ничего с собой не сделала. Ни мать, ни брат не могут лечить психику. Миронов, несмотря на свои угрозы, просто ничего не успел сделать.

Ей повезло. Молниеносная реакция Вани, который не стал действовать по правилам, а вломился в дом Мироновых и силой принудил главу рода призвать своего сумасшедшего сына, спасла её. Картина того, как тело Матвея пережёвывает само себя, до сих пор грела душу Екатерины Владимировны.

Но ей повезло. А если бы нет?

Пока Миронов над ней глумился, растягивая удовольствие, любой универсальный маг сумел бы освободиться и наказать обидчика. Не понадобилось бы никуда бежать, не нужно было бы ждать помощи.

Она сама виновата в том, что оказалась совершенно не способна бороться за жизнь. И какой-то психопат сумел схватить её, привезти в коллектор, связать и собирался... От накатившего омерзения младшая Корсакова содрогнулась всем телом. И резко села на постели, чувствуя, что ещё секунда, и её вырвет.

— Екатерина Владимировна! — в полной готовности делать всё, что потребуется, подскочила с кресла служанка.

Но девица остановила её жестом. Говорить ещё мешал комок в горле, но кое-как младшая Корсакова взяла себя в руки.

Да, Корсакова. Пусть она и не может исцелять, но ведь росла в семье, в любви и поддержке. И сколько ещё будут мать и брат спасать её? Тогда в гимназии Ваня заступился за неё, сейчас спас. Сколько ещё нужно пройти, чтобы понять, что только она сама виновата, что превратилась в обузу?!

Отца она и не помнила, но он оставил для неё своё наследство, которое не мог проиграть. Дар к магии, который нужно развивать. Пускай уже поздно начинать, и с ровесниками она сравнится нескоро. Главное, что больше она не будет жертвой.

Брат был совершенно прав, когда рассказывал, что мир только кажется простым и добрым. А она всё это время жила как в сказке. Её ни разу не упрекнули ни в чём, только наставляли, и то – по-доброму, давая понять, что прежде всего её любят.

И что эта сказка кончится в вонючем коллекторе, она прекрасно знала. Ведь Ваня неоднократно вёл с ней разговоры, ничего не скрывая, всё дотошно описывая. Пытался вытянуть сестру, чтобы та не выросла полной дурочкой. А она выросла!..

И только она сама в этом виновата.

— Госпожа, ваш телефон, — оторвала Екатерину Владимировну от самокопаний служанка.

— Да? — оглянувшись младшая Корсакова и действительно увидела, что аппарат светит экраном, лёжа на тумбочке.

Ей даже вибрацию не оставили, чтобы не отвлекать от отдыха. Всё делают для неё, а она только проблемы создаёт.

Вздохнув, она взяла телефон в руку и приняла вызов.

— Катенька! — раздался в трубке голос Ростовой. — Ничего не говори, я уже мчусь к тебе.

Екатерина Владимировна сразу окинула взглядом свою спальню. Вещи прибраны, везде совершенный порядок, нигде ни пылинки. И это всё делали люди без капли магии, а сама она даже простейшие бытовые чары изучала с трудом.

А подруга? Да, Маргарита Ивановна пыталась запрыгнуть в постель к Ване, но так Екатерина Владимировна, если бы не была ему сестрой, сама бы к этому стремилась. Красивый, молодой, целитель – а значит, все в семье будут с отменным здоровьем. Опять же, после родов приведёт супругу в эталонный вид. А кроме того, обязательно станет важным человеком с высоким заработком.

Это матушка была вынуждена отдавать долги за того донора спермы, который стал ей супругом. И потому Корсаковы начали практически с нуля, и то уже стояли на ногах крепко, пускай и не настолько, как до замужества.

Однако Маргарита Ивановна всё равно была по-настоящему дружна с Екатериной Владимировной. Защищала, прикрывала и помогала изо всех сил. И если изначально целью было только окольцевать брата, то сейчас эта тема вообще не поднималась. Ростова была единственной, кого младшая Корсакова могла действительно назвать подругой.

— Хорошо, Рит, — произнесла Екатерина Владимировна. — Приезжай.

— Отлично. Я захватила твой любимый тортик!

На лице младшей Корсаковой появилась улыбка. Первая искренняя со вчерашнего вечера.

* * *

Раменское, инфекционное отделение госпиталя №12. Иван Владимирович Корсаков.

Вечер уже сгустился над столицей, когда мы с Метёлкиным вышли на воздух. Позади осталось душное отделение, пропахшее заразой и стерилизацией. Казалось, что вся моя кожа пропиталась этими ароматами и меня с ног до головы покрывал липкий слой отвратительной плёнки.

— Не так уж и плохо, ваше благородие, — с усмешкой произнёс мой куратор. — Всего два полных восстановления на целый день точечной борьбы с инфекциями.

Я кивнул, не спеша отвечать, слишком занят был собственным дыханием. Обилие зелёных насаждений вокруг отделения позволяло чувствовать себя лучше с каждым вдохом. И я никак не мог им насытиться.

— Главное, не забывать, что это только начало, — продолжил Метёлкин, рукой давая знак нашему водителю. — Сейчас сдадим отчёт, и можете быть свободны. Но завтра нас ждёт куда более интересное испытание.

— Как и каждый день, Всеволод Серафимович, — с усмешкой отозвался я. — Как и каждый день.

— Это и есть жизнь, — заверил меня куратор, после чего направился в сторону подъехавшего автомобиля.

Разместившись в салоне, мы молча ждали, когда Пётр доставит нас обратно в корпус целителей. Метёлкин занимался документами, а я просто сидел на месте, стараясь ни о чём не думать.

За сегодня я дважды выложился в ноль. Зато на собственном опыте понял, каково это – ощущать чужую болезнь на клеточном уровне. Нашупывать бактерии, разлагающие плоть, заражающие органы.

Это отвратительное липкое ощущение, как будто пальцами водишь по слизи, было до того мерзким, что я даже не стал обедать. Всеволод Серафимович не стал настаивать, как и отказываться от моей порции, сам с обеими справился.

А меня до сих пор не отпускало это чувство. Впрочем, чем дальше мы удалялись от инфекционного отделения, тем мне становилось по чуть-чуть, но всё же легче. Не любил я такие места, что в прошлой жизни, что в этой. Однако если прежде я боялся заболеть, то теперь осталось лишь отвращение.

И это ведь не последнее испытание, которое мне устроит куратор. Рано или поздно мы попадём в места пострашнее. Пока мне ещё не придумалось, какие именно, но я верю в Метёлкина, он обязательно найдёт самую задницу, в которую с улыбкой пихнёт меня головой вперёд.

И несмотря на то что я так думаю о нём, я ему искренне благодарен. Опыт бесценен.

— Прибыли, — оторвал меня от раздумий Метёлкин и толкнул меня локтем в бок. — А это, наверное, к вам, Иван Владимирович?

Я посмотрел в указанную куратором сторону и хмыкнул.

Автомобиль с гербом Ростовых на двери стоял напротив входа в корпус. Посторонние машины внутрь не пропускались, здесь же не клиника, а административный центр.

— Не знаю, меня не предупреждали, — ответил я. — Да и с чего вы взяли, что это ко мне?

— Все девицы, которые сюда приезжают, с вами связаны, — философски пожал плечами Всеволод Серафимович. — Думаете, тут каждого младшего целителя ежедневно новый род встречает?

Я оставил его замечание без комментариев. Вообще об этом не задумывался, как-то не интересовала меня жизнь других целителей. Да и не знакомился я с ними – даже на выезде в концертный зал мы практически не общались, командуя каждый своим участком.

— Сдадим отчёт, и можете идти, — напомнил мне Метёлкин, и наша машина спустилась в гараж.

Так мы и поступили. Через пять минут, со стаканчиком кофе в руке я вышел за ворота корпуса. Машина, которую заприметил мой куратор, мигнула фарами, и вышедший наружу водитель, по комплекции способный потягаться со шкафом, открыл заднюю дверцу.

Я смотрел, как наружу показалась чёрная туфелька, надетая на длинную изящную ножку. Вслед за ней показалась и сама хозяйка – одетая в короткую чёрную юбку и белую блузку

Маргарита Ивановна. Волосы свои она уложила в косу, небрежно болтающуюся позади при каждом движении.

— Иван Владимирович! — с улыбкой произнесла она, торопливым шагом приближаясь ко мне.

Я же краем глаза отметил, что мой собственный водитель давно ждёт у нашей машины. Дверь он пока не открывал, однако при нужде я могу даже сбежать с этой «совершенно случайной» встречи. Ну или отбиться от нападения – под пиджаком у водителя бронежилет, а в салоне спрятан целый арсенал.

— Маргарита Ивановна, — чуть наклонил голову я, приветствуя подошедшую девушку. — Какой сюрприз. Что привело вас к корпусу целителей?

Ростова не стала кокетничать, вместо этого сразу же перешла к делу.

— Иван Владимирович, я была сегодня у вас дома, — начала она. — До этого я думала, что хуже, чем со мной случилось, ничего быть не может. Но Катя... Я просто хотела сказать, что я на вашей стороне.

Я хмыкнул и подставил локоть. Ей не потребовалось и секунды, чтобы взяться за него рукой.

— Я благодарен, что вы навестили мою сестру, Маргарита Ивановна, — ответил я. — Мне приятно знать, что у неё есть настоящие подруги. Честно признаюсь, не ожидал. Так что моя благодарность искренняя.

На её губах мелькнула и тут же пропала улыбка. Мы шли по тротуару, без цели, просто вперёд. А обе наших машины покатались вслед. Возможно, не самое разумное решение, в нас обоих уже стреляли. Но не сажать же девушку к себе в автомобиль? Я не настолько благодарен Ростовской, чтобы жениться на ней. А придётся, Кирилл Дмитриевич своего не упустит, как пить дать, провозгласит, что пора в церковь.

— Я понимаю, что в ваших глазах я, возможно, выгляжу охотницей, — произнесла после паузы Ростова, — но я не такой уж плохой человек, как вы думаете, Иван Владимирович.

— Я никогда не думал, что вы или ваши родственники плохие, — улыбнулся я. — Так что не переживайте об этом.

Мелькнула мысль, что Дарья Михайловна никак не проявила себя за эти сутки. А ведь могла наверняка. Или ей некому подсказать? Или же матушка всё-таки добилась своего, и я теперь не вхожу в свиту наследницы престола?

Не сказать, что меня это расстраивает. В конце концов, корпус целителей действительно ценен. А вот роль фаворита – так себе развлечение. Не хотел я лезть в политику, мне это не нужно. Размеренная жизнь, пусть и наполненная липкими бактериями, семья, тихое, спокойное счастье – вот чем ты действительно дорожишь, а всё остальное – напускное.

— Вы ведь хотели ещё что-то мне сообщить, Маргарита Ивановна? — напомнил через минуту молчаливой прогулки я. — Не только ведь сказать, что навещали сестру.

Потому что если главная причина – поставить галочку и отчитаться, я в Ростовской разочаруюсь. Конечно, в её возрасте даже такая попытка обратить на себя внимание – вполне логична. Однако... Говорит об отсутствии ума, я ведь сейчас вовсе не могу думать о том, чтобы заводить какие-то отношения, у меня сестру похищал сумасшедший.

— Прошу, Иван Владимирович, когда мы наедине, называйте меня Рита, — чуть сжав пальцы на моём локте, негромко, явно преодолевая смущение, произнесла Ростова. — Мне кажется, мы уже через столько всего прошли, что можем себе позволить считать себя друзьями.

Я усмехнулся, но кивнул.

— Итак, Рита, — остановившись, я повернулся к спутнице. — Я слушаю.

— Катя очень переживает о том, что произошло, — заговорила Ростова. — Я прекрасно понимаю, через что она проходит. Не знаю, как справилась Никитина, но мне дедушка нашёл специалиста, который помог мне взять себя в руки и наладить психику. И я хочу дать вам

его контакт. Сама Катя наотрез отказывается признать проблему, но... Вы же понимаете, она хрупкая девица, которая совершенно не разбирается в том, как устроен настоящий мир.

С такой характеристикой сестры я был полностью согласен. Не то чтобы в этом не было нашей с матушкой вины – ещё как была – но я хотя бы мужчина, могу себе позволить смотреть на людей и события без розовых очков. Анастасия Александровна – целитель и мать, которая прошла через ад, не сломалась и выжила сама, устроила так, чтобы дети ни в чём не нуждались.

Катю мы баловали, окружали заботой и берегли.

— Этот человек – профессионал, и перед тем как работать с вашей сестрой, он подпишет необходимые документы. Ничего из того, что она сможет ему поведать, не уйдёт за пределы вашего особняка. А в эффективности его работы вы можете удостовериться по мне.

Она чуть развела руками, словно предлагая полюбоваться на результат труда озвученного специалиста.

— Что ж, давайте контакт, — проговорил я. — Передам матушке.

— Я рада, что смогла быть полезной, — улыбнулась Ростова, прежде чем вручить мне визитку. — Вот теперь я сказала всё, что хотела. Приятного вечера.

И, развернувшись на каблуках, она пошла к своему автомобилю. А я смотрел Рите вслед и думал о том, что, возможно, серьёзно её недооценивал. И кто знает, может быть, дружба с Ростовской действительно принесёт пользу.

Во всяком случае, Маргарита ни разу не соврала за всё время нашего разговора.

Глава 4

— Ваше благородие, — обратилась ко мне служанка, как только я вошёл в дом, — Анастасия Александровна ждёт вас в своём кабинете.

— Спасибо, — ответил я, передавая свой китель в её руки.

Расстегнув рукава сорочки, я поднялся по лестнице и, не заглядывая к себе, добрался до двери в кабинет главы рода. Стукнув пару раз костяшками пальцев по косяку, я дождался разрешения войти и, толкнув створку, переступил порог.

Матушка давно переделалась в домашнее платье. Простое, без украшений, нежного голубого оттенка, перехваченное под грудью пояском, акцентирующим внимание на фигуре женщины. Довольно приятный для мужского глаза образ. Прежде Анастасия Александровна одевалась иначе. Интересно, не связано ли это с более тесным общением с графом Никитиным?

Глава рода сосредоточенно что-то считала на компьютере – её пальцы так и мелькали над цифровым блоком. На меня она бросила короткий взгляд и кивнула на кресло для посетителей. Я опустился на сидение и, откинувшись на спинку, закинул ногу на ногу. Пока матушка занималась своими делами, я закатал рукава до локтей.

Хотелось сорвать с себя одежду и сжечь, ощущение липкой плёнки заразы ушло, но оставило после себя крайне неприятное воспоминание. Казалось, я пропитался этим мерзким запахом, и только воля матушки удерживала меня от того, чтобы вооружиться конской щёткой и тереть кожу до красноты.

Наконец, Анастасия Александровна глубоко вздохнула, щёлкнула мышкой, закрывая документ, и повернулась ко мне.

— Как твой день, сынок? — спросила она.

— Да хорошо, — чуть склонив голову, ответил я. — Метёлкин мне устроил пробег по инфекциям самого разного толка. Так что ощущения сейчас так себе...

На лице матушки появилась улыбка.

— Да уж, помню свои первые разы, когда с этим сталкивалась, — она обхватила себя за плечи и потёрла их ладонями, избавляясь от воспоминаний. — Но ты доволен тем, как тебя учат в корпусе?

— Вполне, — подтвердил я. — Ты хочешь поговорить о том, чтобы я бросил учёбу там и перешёл к тебе?

Глава рода Корсаковых чуть отвела взгляд в сторону.

— Я с самого начала не хотела, чтобы вас втягивали в придворные интриги, Ваня, — призналась матушка. — Ты ведь не думаешь, что охрана Долгоруковых не могла лучше охранять Катю? Могла, вполне. Но кому-то в Кремле было выгодно допустить нападение. И я могу назвать сразу трёх интересантов, которые могли извлечь из этого выгоду.

Я спокойно кивнул, не видя смысла спорить с очевидным.

Я прекрасно понимал, что вдова, сидящая на троне, просто обязана лишиться части своей власти, доставшейся от мужа. Иначе просто не бывает. Шереметева пока что оставалась у руля – ровно до момента, пока Дарья Михайловна не выйдет замуж. После этого Екатерине Юрьевне останется лишь та толика влияния, которую она успеет обеспечить.

Однако она дала слово, и её же родня, которой принадлежит охрана, заставила императрицу это слово нарушить. Императрица посрамлена, между нами недовольство – это мелочи. Главное, что все вокруг будут знать – Железная Екатерина не настолько сильна и влиятельна. Её собственная служба безопасности ей не подчиняется.

А значит, все, кто держит нос по ветру, уже подпрыгнули, чтобы переобуться в воздухе.

Как же я устал жить в эпоху перемен...

— Я и не сомневаюсь, что нас сделали разменной монетой, — прокомментировал слова матушки я. — И даже согласен, что Кате нечего делать при дворе. Не такой она выросла, чтобы выжить в клубке змей. Для этого нужен характер и некоторый опыт. А Катя росла в тепличных условиях, и ей всё это – не нужно.

— Но про себя ты так не скажешь, — прекрасно поняла мой посыл Анастасия Александровна.

— Я взрослый мальчик, мам, — улыбнулся в ответ я. — К тому же мы с тобой оба знаем, что в корпусе у меня будет намного больше практики, чем если я осяду в одном госпитале. И даже если я пропущу через себя всех пациентов, которые только к вам попадут, это будет меньше, чем я получу в корпусе.

Она обдумала мои слова, прежде чем задать следующий вопрос.

— Но ты же понимаешь, что таким образом Долгоруковы, Шереметевы, Лопухины и все прочие продолжают пытаться тягать на себя одеяло? И тебя, как хлебную крошку, будет мотать из стороны в сторону. Не потому, что ты идёшь за кем-то из них, а лишь потому, что стал пешкой, походить которой жаждет каждый из претендентов.

На моём лице появилась улыбка.

— Ну, Шереметевых я бы уже из списка вычеркнул, — заметил я. — Её императорскому величеству сейчас совсем не до мелочей вроде Корсаковых. Ей бы с трона не слететь, а что касается всех остальных... Мы живём в обществе, где над всеми кто-то да стоит. Ни о какой свободе выбора здесь речи не идёт. Даже император – это не абсолютный монарх, его воля закон лишь до тех пор, пока его поддерживают сильнейшие семьи его государства. И как мы видим, Шереметевы своё положение теряют прямо сейчас. Не так важно, почему у них не получается защитить Екатерину Юрьевну, не имеет значения, кто придёт им на смену – Долгоруковы ли вернут былое могущество, или взберётся на престол Василий Алексеевич, а через него – Алексей Максимович Лопухин.

Матушка холодно усмехнулась.

— В конечном счёте будет важно лишь одно, — продолжил я, не сводя взгляда с Анастасии Александровны, — стану я сильным целителем или нет. Корпус – отличное место, чтобы отточить мастерство. Я обязан отслужить три года, как и все дворяне, так что ничего не мешает мне после истечения этого срока уйти в любой госпиталь, и меня с руками оторвут, ты сама это знаешь. Или же я открою собственную частную практику. В любом случае я должен за эти три года выжать из обучения в корпусе максимум из возможного.

Я видел, что моё решение ей не нравится. Глава рода могла своей волей заставить меня отказаться от службы в корпусе и перевести против моего желания в госпиталь себе под крылышко. Но Анастасия Александровна прекрасно понимала, что это будет воспринято в обществе как бегство.

Меня уже показывали танцующим с наследницей престола. И все, кому нужно, считают меня человеком её императорского высочества. А когда её мать пинками погонят из тронного зала, и я уйду – все вокруг станут считать, что я сбежал, спасая свою шкуру. О какой карьере после такого можно думать? Слава слабака и труса, пожалуй, худшее, что только может случиться с дворянином.

Вот если меня новая власть или старая отстранит от корпуса – тогда да, я останусь чист, ведь меня заставили покинуть свою должность. Кто-то даже, вероятно, решит, что Корсакова можно поддержать, завязать с ним дружбу, а то и включить в очередной кружок оппозиционно настроенных благородных фамилий.

В первом случае – я трус, во втором – жертва.

— Хорошо, я тебя поняла, Ваня, — вздохнула Анастасия Александровна. — Но, пожалуйста, обещай мне, что будешь осторожен. Я знаю, что ты сможешь себя защитить, но сердце материнское не успокоишь логикой. Я всегда буду переживать за тебя.

— Конечно, матушка, я буду максимально осторожен, — легко пообещал я. — Кстати, мне тут Ростова передала визитку специалиста, который работал с ней после инцидента у гимназии.

Я выложил на столешницу переданный кусочек картона.

— Сам я ей ничего не обещал, само собой, но ты должна знать.

Глава рода Корсаковых приподняла бровь, но визитку притянула к себе.

— Маргарита Ивановна, значит, решила сменить тактику? — задала вопрос в воздух она.

Я улыбнулся.

— Повторять одни и те же действия, надеясь на иной результат – безумие. А с головой у Ростовской всё в полном порядке.

* * *

Кремль, личные покои её императорского высочества.

— Как же так, дядя? — сжала кулаки, не скрывая своего негодования, хозяйка комнат. — Получается, твои люди подставили маму под удар!

Виктор Павлович смотрел на племянницу с лёгкой улыбкой. Великий князь не часто посещал её личные помещения. Все эти женские вещицы, которые прибирали горничные за будущей императрицей, валяющиеся по разным поверхностям – это не то, что нужно показывать мужчине, даже родственнику.

Спасибо, он уже неоднократно посмотрелся на бельё племянницы, когда приходил в прошлые разы. Нельзя назвать Дарью Михайловну неряшливой, однако будуар у неё представлял собой хаос как раз по той причине, что мужчинам туда вход был заказан.

— Дорогая моя племянница, — заговорил великий князь, — разве я сделал что-то, что могло бы навредить твоему престижу?

Дарья Михайловна остановилась посреди комнаты, хотя только что шагала из угла в угол, мельтеша перед глазами дяди. Глядя на родственника, знакомого с детства, она прекрасно уловила, что он имел в виду.

— Ты хочешь сместить маму с трона, — произнесла она.

— Не я, а весь род Долгоруковых, — лёгким кивком подтвердил Виктор Павлович. — И ты тоже к этому роду принадлежишь. Я понимаю твои чувства и обещаю, что Екатерина Юрьевна ни в чём не будет нуждаться, когда сложит венец с головы, но ты должна понимать, что она – Шереметева. И должна снова стать именно Шереметевой. Политика твоей матери уже навредила стране так, как мало кому удавалось...

— Ты опять про то, что она творила десять лет назад?

— О нет, Дашенька, — покачал головой великий князь. — Тогда, если ты помнишь, Долгоруковы её поддерживали всеми силами. Это нашими руками Катя лила кровь. А это кое о чём говорит.

Наследница престола тряхнула головой.

— Тогда я не понимаю, о чём ты.

— Всё очень просто, — постучал пальцами по подлокотнику кресла Виктор Павлович. — Посмотри на статистику Российской империи. Мы стремительно катимся к кризису, который потрясёт сами основы нашей государственности. В час, когда императорская власть должна опираться на деньги, поощрять рост прибыли среди малого и среднего бизнеса, Катя всё ещё делает ставку на старые фамилии. Или ты думаешь, почему так внезапно из загашников были вытащены на свет Корсаковы?

Однако Дарья Михайловна не стала на это отвечать. Усевшись в кресло напротив великого князя, наследница престола скрестила руки под грудью.

— Что ещё за кризис? Откуда он взялся?

Куратор жандармерии вздохнул.

— То есть даже об этом она тебе не рассказала?

— Да о чём?! — всплеснула руками будущая государыня.

— Доклад от 17 сентября позапрошлого года, — озвучил Виктор Павлович, кивая на компьютер наследницы престола, — составленный Тайной канцелярией. Прочти его, и тогда ты сама поймёшь, что мы несёмся к пропасти. И пока Россия под рукой Шереметевой делает вид, будто ничего не происходит, Франция готовит масштабное столкновение. Это будет не какая-то война с пострелушками, а стратегическое поражение нашей страны в сфере экономики.

Дарья Михайловна включила монитор и, воспользовавшись собственным паролем, обнаружила в локальной сети Долгоруковых нужный документ. На то, чтобы прочесть его, потребовалось минут двадцать.

Всё это время Виктор Павлович сидел в кресле и, кажется, даже не шевелился.

— Неужели это правда? — закончив читать, спросила Дарья Михайловна.

— К сожалению, дорогая моя племянница, совершенная, — он позволил себе выпустить эмоции из-под контроля. — Самая грязная и суровая правда, которую мы уже неоднократно подтверждали за эти два года. Твоя мать отказалась её принять, а мы не хотим насилия. И потому у нас не остаётся выбора, кроме как сделать всё, чтобы она была низложена. У твоей матери огромная поддержка, если бы мы действовали грубо, нас бы утопили в крови гражданской войны. Доклад Тайной канцелярии от 26 декабря прошлого года.

Племянница принялась рыться в папках, пока не нашла очередные документы. На этот раз перед её глазами предстал всего один лист текстового редактора. Зато то, что в нём было написано, заставило волосы на голове будущей императрицы встать дыбом.

— Это то, что я думаю?

— Да, Даша, — вздохнул Виктор Павлович, вновь взявший себя в руки. — Это те рода, на которые опирается твоя мать, и при этом они считают допустимым принимать на свои счета средства французского короля. За то, что сохраняют верность твоей матушке. Понимаешь, да? Франция платит русским аристократам за то, что они поддерживают императрицу!

Дарья Михайловна прикрыла лицо рукой, справляясь с эмоциями. Пусть ей было и не так много лет, однако она понимала – потенциальный противник, по сути вторая сверхдержава мира, будет поддерживать верность вражеского монарха только в одном случае. Когда эта власть полезна.

— И мама об этом знает?

Вопрос прозвучал жалким оправданием. Надеждой на то, что её императорское величество просто не знала, что ей не доложили. Но глава Тайной канцелярии – Шереметев. Отец государыни, получивший свою должность практически сразу, как Железная Екатерина уничтожила мятежников, попытавшихся отобрать у неё власть в связи с вдовством.

— Всё ей известно, — покачал головой Виктор Павлович. — А потому... Не осуждай меня, Даша, за то, что я делаю всё, что могу, лишь бы Российская империя прошла через очередной кризис власти с минимумом ущерба. Если допустить хоть малейшую разобщённость, в Париже нам начнут рукоплескать. Ведь именно ради этого всё и затевается. Думаешь, просто так под жернова попал Шепелев, создатель прорывной технологии нейросетей? Да его затравили, вытащили на всеобщее обозрение мелочи, которых у каждого рода в достатке. И на этом основании уже попытались развалить его компанию. Мне пришлось взять её под свою руку, стать официальным совладельцем – и это только ради того, чтобы у конкурентов заткнулись рты. Спорить с Долгоруковыми у них ещё кишка тонка. Но дальше так продолжаться не может. Если мы, Долгоруковы, продолжим собственным именем защищать всех, кто действительно приносит пользу стране, очень быстро другие аристократы заявят нам в лицо, что мы отбираем чужую собственность ради собственного усиления. Про меня уже слухи по салонам ходят, что я Шепелеву руки выкрутил!..

Он вскочил с кресла и принялся наматывать круги по комнате, как до этого делала племянница.

— Никто не смотрит дальше собственного носа! — воскликнул он, не сдерживая эмоций. — Они все привыкли, что Россия самая большая, самая сильная, самая богатая. А что все наши успехи – это наследие времён твоего деда, просто наконец-то доведённое до ума, никто и не думает. Всех беспокоит собственный карман, и плевать им, что все запасы прочности уже вышли, и дальше – только стагнация. Но сейчас не XIII век, сейчас только для того, чтобы оставаться на месте, нужно уже не просто идти, а бежать!

Дарья Михайловна смотрела на дядю, обычно такого спокойного, улыбчивого и доброго. И вот эта его злость, сочащаяся с каждым словом, убеждала её, что он говорит искренне. Затем взгляд будущей императрицы скользнул к монитору.

Дядя был совершенно прав. У матери всё это время был доступ к отчётам Тайной канцелярии, к докладам жандармерии. Вся статистика имелась на руках. Но что сделала будущая государыня, чтобы разобраться в собственной стране?

Виктор Павлович остановился у полки с книгами и опёрся на неё локтем. К племяннице он стоял спиной и пользовался этим, чтобы взять себя в руки. Великий князь долго носил всё это в себе, и теперь ему требовалось время, чтобы прийти в себя вновь.

Мать всегда говорила, что Дарья Михайловна будет правительницей. Посвящала в некоторые дела, но то, чем занималась будущая государыня – мелочи. Полезные для репутации, конечно, но годились они для простой царевны. Да её ведь и называли всегда так все вокруг, хотя правильно было – цесаревна, ведь она наследует власть.

А как реальная наследница престола, что она вообще знает о происходящем в мире? Нет, винить мать – это просто и по-детски. Пускай Дарья Михайловна считала, что дядя прав, однако смещать Железную Екатерину пока что было в любом случае рано. Ведь её наследница была абсолютно не готова к власти. Она даже на куклу на троне не годилась!

— Дядя, — обратилась она к Виктору Павловичу.

Тот медленно обернулся, всё ещё с красными пятнами на лице, но уже почти успокоившийся.

— Да, дорогая?

— Я хочу, чтобы вы помогли мне, — произнесла будущая императрица, поднимая взгляд на великого князя. — Я хочу стать настоящей государыней.

Глава 5

Корпус целителей. Иван Владимирович Корсаков.

Очередной день подошёл к концу и снова закончился уж ближе к полуночи. Не будь я дворянином, задумался бы о том, чтобы снять комнату где-то неподалёку и приходить туда отсыпаться. Немало времени на поездки туда-сюда уходит.

Я вышел на воздух и нашёл взглядом машину с гербом нашего рода. Рядом с ней застыл мотоцикл, на сидении которого восседал молодой человек в цветах Лопухиных. Увидев меня, он вытащил из прикреплённой к транспорту сумки письмо и, не дожидаясь, когда я приближусь, поспешил пересечь улицу.

— Ваше благородие! — обратился ко мне мотоциклист. — Иван Владимирович.

Я кивнул ему, но к письму притрагиваться не спешил.

— Велено вам передать, — объявил посыльный. — Вам послание от Лопухина Василия Алексеевича.

Я посмотрел на герб Лопухиных, выдавленный в сургуче. Что ж, было ожидаемо, что одним посещением этой тёплой компании дело не ограничится. Может быть, Дарья Михайловна и отдалилась от меня – тут не важно, по каким причинам – но Василию Алексеевичу меня отпускать уже незачем. Кому не нужен лишний целитель?

— Вот как? — хмыкнул я, после чего всё-таки взял письмо. — А почему не доставили на дом?

— Не могу знать, ваше благородие, — отозвался посыльный, — велено передать лично в руки. Всего доброго!

Он не стал ждать моей реакции, быстро вернулся к мотоциклу и, моментально запустив двигатель, натянул шлем на голову. Я посмотрел вслед удаляющемуся курьеру и вскрыл печать. Понятно же, что срочная доставка подразумевает, что я так же срочно прочту послание.

Внутри оказалась достаточно короткая записка. Но приглашением на приём это не было ни разу. Это был вызов на дуэль, в которой мне предлагалось поработать по профилю. Интересный поворот, у Лопухиных своих целителей нет, что ли?

Убрав послание обратно в конверт, я дошёл до нашей машины и опустился на заднее сидение. Пока автомобиль катился по столице, я раздумывал о том, что такого мог не поделить Лопухин с Кривошеевым. Про последнего я вообще ничего не знал, впервые слышал фамилию. Однако Василий Алексеевич вызвал этого неизвестного мне человека.

Я мог бы отказаться – по любой причине, и Лопухин бы не смог мне ничего предъявить. Всё-таки дуэли не самая приятная часть жизни дворян, да к тому же требуют определённых ходов со стороны жандармерии. Никому не хочется быть обвинённым в убийстве, а значит, кто-то из ведомства великого князя непременно будет присутствовать, чтобы всё подтвердить в случае необходимости. Что это не было убийство, а полноценная дуэль по всем правилам, например.

Ну а меня пригласили тоже совершенно официально – как члена корпуса целителей. Всё одно кто-то из моих коллег обязан присутствовать, а мы с Василием Алексеевичем уже знакомы, и он может быть уверен, что, если потребуется, я раненого точно вытащу. С Ростовской ведь справился. Строго говоря, я и саму дуэль в случае необходимости прервать смогу – Лопухин это вживую видел, когда на нас наёмники напали.

— Тяжела жизнь молодёжи до сорока лет, — вздохнул я.

— Что-то сказали, Иван Владимирович? — глядя в зеркало заднего вида, переспросил водитель.

— Нет, ничего, мысли вслух.

Он кивнул и полностью сосредоточился на дороге.

Нужно будет поговорить с матушкой, всё-таки меня ещё ни разу на дуэли не приглашали. Посмотрим, что глава рода скажет. Может и запретить, конечно, но это уже вряд ли. Обострять отношения с Лопухиными нам вроде как не с руки.

День сегодня выдался полегче, я даже ни разу не выложился в ноль. Всеволод Серафимович, похоже, решил дать мне выходной, и, судя по тому, насколько я успел его изучить, завтра Метёлкин будет выжимать меня досуха. Впрочем, особняк Мироновых показал, что всё это мне крайне полезно.

Телефон в кармане завибрировал, и я извлёк аппарат.

Долгорукова Д. М.: *Добрый вечер, Иван. Мне донесли, что тебя пригласил поработать по профилю Лопухин. Честно признаться, я хотела исполнить волю её императорского величества, но всё равно не смогла удержаться. Будь осторожнее, мало ли что может случиться на дуэли.*

Как интересно. Я уж думал, наследница престола обо мне позабудет. Ан нет, присматривает до сих пор. Но могла бы, конечно, ради проформы спросить, как там сестра. Или о состоянии Кати ей тоже доносят?

Усмехнувшись, я всё же не стал игнорировать будущую государыню.

Корсаков И. В.: *Благодарю за беспокойство, Дарья. Обещаю, со мной всё будет в порядке. Хватит пока что.*

Убрав телефон, я откинулся на спинку и расслабился, больше ни о чём не думая до самого дома. А поднявшись на крыльцо, сразу же уточнил у прислуги, где матушка, а после взбежал по лестнице и дошёл до её кабинета.

Дверь была прикрыта не до конца, а потому я прекрасно расслышал, что Анастасия Александровна с кем-то говорит по телефону. Подслушивать я не стал, хотя и хотелось убедиться, что мне не почудились лёгкие кокетливые нотки в её голосе. Так что я отступил по коридору и, жестом подозвав служанку, велел:

— Когда глава рода освободится, скажите, что у меня есть к ней разговор.

— Будет исполнено, Иван Владимирович, — отозвалась горничная. — Велите накрывать ужин? Анастасия Александровна хотела дожидаться вашего возвращения. Екатерина Владимировна тоже отказалась есть без вас. С момента, как ушёл её доктор, не выходит из комнаты.

Я кивнул. Повод собраться за одним столом неплохой. А что матушка нашла специалиста для сестры, так это и неудивительно. Столько лет в медицине проработать и связями не обзавестись, нужно совсем отбитым социопатом быть. А главе рода социопатия противопоказана.

— Подавайте, — улыбнулся я.

Пока прислуга будет накрывать на стол и созывать семейство в столовую, я как раз успею принять душ и переодеться в домашнее. Форму заодно отдам, чтобы её в порядок приводить начали.

А когда в дверь моих покоев постучалась горничная, я уже был готов.

— Иван Владимирович, Анастасия Александровна зовёт вас на ужин, — сообщила она.

За столом уже присутствовали обе Корсаковы. Что было приятно, Катя выглядела куда лучше, чем вчера. А значит, специалист на самом деле оказался толковым. Матушка же смотрела на меня с лёгким намёком, и не понять его было сложно.

Целитель её уровня попросту чувствует, когда вокруг него появляются люди. И что я мог слышать её телефонный разговор, она прекрасно понимала. Однако поднимать эту тему не хотела, так что я кивнул в ответ и занял своё место за столом.

— Приятного аппетита, — произнесла Анастасия Александровна, и мы приступили к позднему ужину.

Молчание продлилось минут пятнадцать – пока тарелки не опустели. Но вот нам подали чай, и матушка отпустила прислугу. А значит, начинался семейный совет, если можно так назвать обсуждение последних дней.

— Доченька, как тебе доктор Варфоломеев? — начала с главного старшая Корсакова.

— Превосходно, мам, — отозвалась Катя. — Вроде бы смотришь на него, обыкновенный старичок, а как заговорил... В общем, я рада, что ты к нему обратилась. Настоящий профессионал, я сама не ожидала, что он так легко меня в порядок приведёт.

Анастасия Александровна искренне улыбнулась, слушая младшую Корсакову. А та продолжала рассказывать, как приглашённый специалист за пять минут раскрутил её на полноценную исповедь и заставил признать, что нежелание развивать собственный дар — это из-за ненависти ко всему, что связано с нашим биологическим отцом. И что в итоге эта ненависть чуть не стоила ей не только невинности, но и рассудка, и жизни.

А главное, доктор сумел найти точки интереса в голове сестрёнки, которые действительно вытянули девицу. Чем не маг разума, а? И ведь знаю я, о ком речь. Доктор Варфоломеев служит в госпитале Боткина заведующим психологическим отделением. Правда, раньше он в основном солдатами занимался, ПТСР лечил. Теперь вот в послужной список попала и Екатерина Владимировна Корсакова.

— Я рада, что он тебе понравился, — взяв в руки бокал с соком, произнесла матушка. — Я договорилась, он будет приходить к нам три раза в неделю. И работать с тобой до достижения результата. Мне он тоже оставил кое-какие инструкции, так что готовься, завтра тебе понадобится твоя спортивная форма.

На лице Кати дрогнула улыбка.

— Но спортивная-то форма зачем?

— Как зачем? — усмехнулась глава рода. — Будем поднимать тебе тонус за счёт физических упражнений. Сама не заметишь, как втянешься, к тому же для молодого организма полезно.

Сестра вздохнула.

— Хорошо, матушка. А что насчёт учёбы магии?

Анастасия Александровна поболтала бокалом в руке, наблюдая за тем, как плещется внутри жидкость.

— Найдём тебе учителя, не переживай, — заверила она. — Но не раньше следующей недели.

— Спасибо, мам, — искренне поблагодарила Катя.

На некоторое время разговор затих, и я решил, что сейчас самое время обсудить предстоящую дуэль. Достав из кармана письмо Лопухина, я протянул его матушке.

— Доставил курьер сегодня после службы, — пояснил я, когда Анастасия Александровна осторожно взяла у меня конверт. — Там приглашение на дуэль в роли целителя от корпуса.

Матушка коротко вскинула брови, но спрашивать больше ничего не стала, достала приглашение. Пробежав взглядом строчки, она посмотрела на меня с явным сомнением. Однако оспаривать моё участие не стала.

— Ты сам хочешь в этом участвовать?

— Не вижу причин для отказа, — пожал плечами я. — В конце концов, я по крайней мере смогу вытянуть пострадавшего, а кто-то другой может и упустить пациента. В итоге умрёт либо Василий Алексеевич, либо его противник. В любом случае станет известно, что предлагали мне, а я отказался, и теперь по этой причине кто-то там действительно погиб.

Матушка склонила голову.

— Хорошо, но тогда ложись пораньше сегодня. Время шесть утра, хоть и лето сейчас, но время быстро пролетит, а тебе после дуэли ещё целый день на службе людей исцелять.

— Спасибо, мам, — улыбнулся в ответ я.

Конверт забирать не стал — мне он без надобности, а вот главе рода его передать точно нужно. Мало ли что и как пойдёт, бумажка может пригодиться. А если останется бесхозной,

то присутствие в качестве целителя при первой дуэли – это память. У нас таких альбомов с датами и приглашениями хватает, почему бы не обзавестись своим?

— Так, раз все поели, — сменив тему, заговорила матушка, — хочу сделать небольшое объявление. Точнее, задать вам вопрос. Вы мои дети, и я всегда буду ставить ваши интересы выше собственных.

Мы с Катей переглянулись, и я подмигнул сестрёнке.

— Граф Никитин стал... — глава рода осеклась, пытаясь подобрать слова, — скажем так, открыто выражать чувства ко мне. Это ещё ничего не значит. Я помню, как вы оба шутили на эту тему. Однако тогда это был исключительно юмор, сейчас становится всё серьезнее.

— Он сделал тебе предложение?! — восторженно сияя глазами, воскликнула Катя.

— Нет, — покачала головой Анастасия Александровна. — Он сам вдовец, я вдова. Мы поговорили откровенно. И он предложил мне подумать, нужно ли мне его предложение.

То есть он всё-таки предложил, а матушка отбивается изо всех сил, прикрываясь заботой о детях. Я прекрасно понимаю, как она, должно быть, растеряна сейчас. К чести графа Никитина, давить он не стал, а даёт время нашей матушке подумать. В конце концов, она глава рода Корсаковых, он наследник Никитиных.

Если матушка согласится и даже оставит фамилию или возьмёт двойную, мне придётся становиться главой вместо неё. Потому что Анастасия Александровна перейдёт в другую семью.

И наверняка нарожает Виталию Владиславовичу ещё кучу премиленьких детишек. В том, что дети у такой пары будут милыми, сомневаться не приходится. Наша матушка прекрасно выглядит, граф тоже не страдает от недостатков внешности. Из них получится замечательная пара. Даже безо всякой магии в её возрасте можно рожать одного за другим ещё лет восемь, не опасаясь проблем. А учитывая дар целителя – вплоть до пятидесятилетия, когда это уже станет просто неприлично восприниматься обществом.

— Я прошу вас очень серьёзно всё обдумать, — вздохнула Анастасия Александровна, поочерёдно глядя на нас обоих. — Особенно это касается тебя, Ваня. Если я соглашусь выйти за графа, именно на твои плечи ляжет весь груз ответственности за Катю и все дела Корсаковых. Мой голос может остаться только совещательным.

Сестра, несмотря на серьёзный тон матушки, сидела с блаженной улыбкой, как будто предложение сделали ей. Однако я тоже был доволен. Что ни говори, а если кто и заслуживал счастья, так это наша мать. Пройти через такой ад, лишиться всего, выстоять и поднять двоих детей на достойный уровень – это достойно любых наград.

— Мы подумаем, — заверил матушку я и, взяв её за руку, сжал пальцы самой любимой женщины на свете. — Обещаю.

Катя торопливо закивала. О своих проблемах она уже и думать забыла. И это было прекрасно.

— Так, ну всё, — отстранившись и отведя взгляд в сторону, чтобы мы не заметили, как в её глазах блестят слёзы, решительно заявила глава рода Корсаковых. — Поужинали, всё обсудили, а теперь марш по постелям!

— Да, мам! — хором ответили мы и встали из-за стола.

Поцеловав матушку с двух сторон, мы оба получили по объятию и направились на выход из столовой. Катя вышла первой, я чуть задержался в дверях и обернулся.

— Если ты считаешь, что он достоин твоей руки, мам, соглашайся, — объявил я, прежде чем переступить порог.

Мне навстречу уже шла служанка с бутылкой вина и нарезкой закуски. Пить в одиночестве, конечно, моветон. Однако бокал с сыром после такого нервного вечера – кто матушку осудит?

Улыбаясь, я добрался до нашего этажа и оказался тут же схвачен сестрой под руку. Я не стал изображать сопротивление, так что вскоре мы очутились в её комнате, и Катя решительно заявила:

— Ты должен согласиться!

Я рассмеялся, глядя на неё.

— Что? Я серьёзно! — чуть обиженно заметила Катя.

— Екатерина Владимировна, — максимально официальным тоном заговорил я, — пожалуйста обращайтесь ко мне как к главе рода Корсаковых. Естественно, я не против, чтобы матушка вышла замуж за графа.

Сестра накинулась на меня и крепко обняла. Мне даже показалось, что у меня сейчас рёбра затрешат. Но Катя выпустила меня и, поднявшись на носочки, чмокнула в щёку.

— Спасибо! Спасибо! Ты самый лучший на свете брат!

Улыбаясь, я эффектно подбоченился и, задрав голову, пафосно объявил:

— Я такой, я могу!

Мы ещё немного посмеялись, и я, пожелав сестрёнке спокойной ночи, направился в свои комнаты. Завтра дуэль, а потом целый день лечить пациентов, так что матушка была права — стоило лечь пораньше.

А граф молодец, вовремя сделал свой ход. Вон как матушка с сестрой воодушевились. И даже Варфоломеев вряд ли бы такого успеха достиг. А теперь ни одна, ни вторая о прошлом не думают.

Улыбаясь, я заснул. А уже через несколько часов ехал в парк.

* * *

— Благодарю за то, что откликнулись, Иван Владимирович, — протянул мне руку Лопухин.

— Как и обещал, Василий Алексеевич, — отвечая на рукопожатие, произнёс я. — Если не секрет, в чём причина дуэли?

Наследник Лопухиных и будущий император криво усмехнулся.

— Господин Кривошеев позволил себе лишнее, когда высказывался о Дарье Михайловне, — крайне содержательно поделился со мной Василий Алексеевич. — Как дворянин, я счёл необходимым заставить его извиниться. Слово за слово, и вот мы здесь, Иван Владимирович.

Я кивнул, принимая его объяснения.

Хотя Кривошеев теперь вызывал вопросы. Понятно, что все прочтат Лопухину место на троне. Однако заявлять что-то о наследнице престола? Он либо самоубийца, либо конченный псих. Сейчас, если Василий Алексеевич не добьётся извинений, этого Кривошеева начнут таскать по дуэлям все столичные дворяне. Или же жандармы явятся с ордером, чтобы арестовать за оскорбление правящего рода.

— Он бессмертный, что ли? — всё же спросил я, разглядывая подъезжающий на место дуэли внедорожник.

— Вот и проверим, — усмехнулся Лопухин, после чего обернулся к своим секундантам. — Идёмте, господа.

С собой Василий Алексеевич привёл двух дворян, которых я видел у него на приёме. Мы лично знакомы не были, потому обменялись лишь вежливыми кивками. Самому Лопухину тоже было не до представления своих соратников, он явно был на взводе и едва сдерживался.

Из машины выбрались четверо. Представитель жандармерии в чине старшего офицера, пара секундантов и, разумеется, виновник дуэли.

Все вместе мы встретились на середине выбранной поляны. Жандарм окинул взглядом мой китель целителя и довольно хмыкнул.

— Отойдём, господин маг? — предложил представитель силовых структур.

— Конечно, ваше высокоблагородие.

Мы отступили на пару метров в сторону. И пока секунданты заканчивали обсуждать дуэль, старший офицер представился:

— Фёдор Фёдорович Перевязьев.

— Иван Владимирович Корсаков.

— Приятно познакомиться, — заверил меня старший офицер. — Надеюсь, ваши способности нам сегодня не понадобятся.

— Судя по причине дуэли, — я бросил взгляд в сторону Лопухина, едва не бьющего копытом землю, — если Кривошеев переживёт сегодняшнюю дуэль, это быстро исправят.

Перевязьев кивнул и, наклонившись ко мне, шёпотом сообщил:

— У меня в кармане предписание об аресте, — поделился он. — При любом исходе он отсюда не на своей машине уедет.

Наконец, последние формальности были утрясены. Участники разошлись на расстояние двадцати метров – к воткнутым в землю саблям, отмечающим позиции дуэлянтов. Я как-то даже не спросил об условиях, а потому приготовился вытягивать обоих, если потребуется.

Магия обычно была под запретом – слишком разрушительные последствия потом придётся из своего кармана возмещать. Так что либо стрелялись, либо резались на клинках. Однако из оружия у дуэлянтов были только сабли, вонзённые в зелёную траву.

Старший офицер посмотрел поочерёдно на обоих, затем поднял вверх пистолет. Выстрел грохнул раньше, чем Перевязьев успел спустить курок. Секунданты ещё ничего не поняли, а Кривошеев уже выхватил саблю, и, развернув её к себе лезвием, кинулся на клинок.

Но всё это проходило мимо моего сознания, потому как я уже сидел на коленях перед Василием Алексеевичем. И на одной только магии держал пулю, расколовшую череп, но не успевшую поразить мозг.

Он был ещё жив, смотрел на меня распахнутыми глазами. Руки Лопухина вцепились в мои запястья. Губы Василия Алексеевича шевелились, но он не мог вытолкнуть из себя ни слова. А я особо и не прислушивался.

Главное, чтобы будущий император не помер у меня на руках.

— Перевязьев! Стрелок! — крикнул я. — Не дайте ему уйти!

Потому что одну пулю я остановил, а поймаю ли вторую, пока латаю череп Лопухина – это карта ляжет.

Я не мог его не спасти. И, возможно, только что перешёл дорогу Долгоруковым. Кто ещё мог вот так дерзко попытаться убить Лопухина?

Глава 6

— Проходите, ваше благородие, располагайтесь, — указала мне на стул унтер-офицер. — Его высокородие сейчас подойдёт. Пока ожидаете, может быть, чай, кофе?

Я кивнул, уже присаживаясь на сидение.

— Кофе был бы кстати.

— Сию минуту.

Сотрудница жандармерии улыбнулась и оставила меня одного. Я уже свободнее огляделся.

Кабинет, в котором мне предстояло общаться с ведущим дело жандармом, ничем особенным не выделялся. Не имелось здесь личных вещей, что-то говорящих о своём хозяине. Функциональность и простота. Даже места под рамку с какой-нибудь поздравительной грамотой не нашлось.

Долго ждать действительно не пришлось, дверь снова открылась, и унтер-офицер, глядя на меня с улыбкой, поставила передо мной чашку кофе. Я не удержался от того, чтобы взглянуть на неё чуть внимательнее.

Приятная, милая внешность. Униформа не скрывала подтянутой физическими нагрузками фигуры. Волосы стянуты не в офисный пучок, а перехвачены заколкой, пышный хвост спускается до лопаток. Жандарм следила за собой и была совсем не против улыбаться мне в ответ.

— Благодарю, — склонил голову я.

— Если вам что-нибудь ещё потребуется, я буду рядом, — положив палец на стоящий на столешнице колокольчик, чуть тише добавила она, после чего медленно повернулась и покинула кабинет вновь.

Походка от бедра, за которой я наблюдал с искренним удовольствием. Вот живу вторую жизнь, а до сих пор не понимаю, как женщины это делают. На унтер-офицере форменная юбка, которая ну никак не может выглядеть настолько соблазнительно. Однако, поди ж ты... Глаз отвести невозможно. Нет, Иван Владимирович, пора вам навестить кого-то из старых контактов. А то так недолго и голову потерять.

Чтобы немного прочистить мысли от всяческих непотребств, которые в ней появились, я сделал глоток кофе. Неплохой, надо признать. Конечно, не лучший сорт, но сразу видно, государство на обеспечении жандармов не экономит. Во всяком случае, в столице.

Дверь вновь распахнулась, и внутрь вошёл старший жандармский офицер. Окинув меня внимательным взглядом, он прошёл к столу и, заняв место за ним, положил папку, с которой пришёл, в один из ящиков.

— Добрый день, ваше благородие, — заговорил он. — Олег Никифорович Старовойтов, старший жандармский офицер. Дело о вашей дуэли передано мне.

— Прошу прощения, ваше высокородие, — вставил я. — Но должен уточнить, что дуэль была не моя, я присутствовал там как представитель корпуса целителей.

Он посмотрел на меня пару секунд, прежде чем кивнуть.

— Принимается, — кивнул старший офицер. — Итак, давайте начнём сначала. Расскажите всё, что касается этой дуэли. Желательно с того, как вы получили приглашение.

Пока я пересказывал случившееся, Старовойтов делал карандашом пометки в блокноте. С моего места было заметно, что это какой-то шифр. Он ставил галочки, рисовал кругляшки – и в этом прослеживалась своя система. Постороннему понять, что конкретно описывал старший офицер, было невозможно.

— Итак, подводим итоги, — объявил Старовойтов. — Как недавно начавший практику целитель, вы приготовились спасать дуэлянтов и потому решили подстраховать обоих. Для

повышения шансов на получение помощи защитили их головы, особой целительской магией укрепив их черепа. Головы вы выбрали по той причине, что без повреждений мозга людей проще и быстрее полностью исцелить. Всё верно?

— Верно, ваше высочество.

— Поэтому Лопухин выжил, пуля не пробила накачанную магией голову, — продолжил Олег Никифорович. — А вот Кривошееву так не повезло, вместо того, чтобы крошить себе черепушку, он предпочёл проткнуть своё незащищённое сердце. Всё верно?

— Да, — вновь подтвердил я.

Старший офицер потёр гладковыбритый подбородок и задал мне очередной вопрос.

— Скажите, Иван Владимирович, как вы сами считаете, были шансы вытащить Кривошеева?

— При той силе, с которой он нанёс себе удар остро заточенной саблей? — уточнил я.

— Конечно, были. Если бы присутствовал на дуэли второй целитель, он бы спас Кривошеева без проблем. Хотя это, разумеется, зависит от дара.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился старший офицер.

— Если целитель знает, что перед ним самоубийца, он, вероятнее всего, не сможет его лечить, — легко пояснил я то, что для посторонних не всегда очевидно. — Дар не откликается на помощь тем, кто не хочет жить. Или, например, не может помочь тем, кого сам целитель считает своим врагом. Магия просто не откликнется, и это — одна из причин, по которой нас старались не трогать до недавнего времени. Чтобы в случае необходимости целитель мог вас вытащить.

— За другими магами такого не водится, — заметил Старовойтов.

Я развёл руками.

— Так на то они и другие.

Он постучал карандашом по блокноту.

— Вы ничего не видели подозрительного, Иван Владимирович, — проговорил старший офицер. — И в смерти Кривошеева странного не замечаете?

— Могу заверить, что в тот момент, когда он схватил саблю, он выглядел абсолютно уверенным в своих действиях. Я следил за его состоянием, глубоко не копал, разумеется, но в том, что он не сомневался в своих намерениях, я убеждён.

— Хм, — глубокомысленно выдал Старовойтов. — Ладно, учтём этот момент. Есть что добавить, ваше благородие? Может быть, что-то всё-таки выглядело необычно? Или кто-то что-то сказал?

Я пожал плечами.

— Кроме самой причины дуэли и того, что виновник зарезался? — уточнил я. — Уже это само по себе странно. Я, конечно, не сыщик, однако для меня удивительно, почему Кривошеев вообще добрался до дуэли. В подробности я не вдавался, Василий Алексеевич просто сказал, что его противник плохо отзывался о её императорском высочестве. Мне кажется, при этом должны были присутствовать свидетели. И в таком случае жандармерия была обязана взять Кривошеева для того, чтобы задать несколько вопросов. А вместо этого Перевязьев имел предписание арестовать его после дуэли. Звучит, на мой взгляд, очень мутно.

Старший офицер кивнул.

— Мы не сами по себе, ваше благородие. Поступил приказ, мы его выполняем, — пояснил Старовойтов. — У вас ведь то же самое. Куда сказали ехать, туда и отправились. Кого назначили в корпусе, того и лечите. А ведь могли бы сразу всем составом приходить в один госпиталь, ставить там всех на ноги, а завтра — в следующий. Не так ли?

Что ж, своя логика в этом была.

— На этом у меня с вопросами всё, — произнёс хозяин кабинета, после чего выложил на столешницу визитку. — Если вдруг вы что-то ещё вспомните, ваше благородие, сообщите.

Взяв карточку, я поднялся и, склонив голову, покинул помещение. Та же унтер-офицер, что приносила кофе, очаровательно мне улыбнулась, поднимаясь из-за своего стола. В её руках находилась папка из коричневой кожи с вензелем ведомства. Надо полагать, там проштампованный отчёт о прошедшей дуэли и моих действиях на ней.

— Я вас провожу, ваше благородие.

— Не стану отказываться.

Мы добрались до улицы в полном молчании. Снаружи меня уже ждал Метёлкин, стоящий у дежурного автомобиля корпуса. Двигатель был заведён, водитель на месте – одним словом, задерживаться не стоило.

— Ваше благородие, — обратилась ко мне унтер-офицер, и я обернулся к ней.

— Прошу, ваши бумаги, — вручила она мне папку. — Прежде чем передавать их в корпус, убедитесь сами, что всё в порядке.

— Благодарю.

— Вера, — представилась жандарм. — Меня зовут Вера, ваше благородие.

Уже подозревая, что я обнаружу внутри, я раскрыл обложку и осторожно убрал четвертинку листа с номером телефона. А стоило поднять глаза от папки, как я обнаружил, что унтер-офицер меня уже оставила – лишь её ноги мелькнули в дверях жандармерии.

Фу, Ваня, фу таким быть. Но приятно, чертовски приятно.

Убрав записку в визитницу, я направился к своему куратору.

— Доброе утро, Всеволод Серафимович.

— Утро доброе, — отозвался он. — Давайте отчёт и поедemте. Нас уже ждут, и так из-за этой дуэли задержались.

Я вручил ему документы и опустил на заднее сидение. Не прошло и минуты, как мы двинулись по первому адресу в сегодняшнем списке. Что можно сказать? Я был прав, сегодня предстояло потрудиться как следует.

* * *

— Как видите, Иван Владимирович, ожоги третьей степени, — озвучил Метёлкин, когда мы вошли в палату. — Медикам удалось стабилизировать пациента, но на этом их полномочия окончились.

Я смотрел на лежащего по ту сторону стерильного бокса мужчину. Пожарный, вошедший в огонь горящего приюта. Вытащил всех воспитанников, а сам провалился сквозь пол. Казалось бы, история на этом должна закончиться, но нет – вытащили соратники. И вот уже три недели герой лежит в стерильном боксе практически без рук и ног, дышит через трубочку и питается так же.

— Сегодня я не буду вас ограничивать, — проговорил Всеволод Серафимович. — Считайте это проверкой. Чем меньше сил вам потребуется, чтобы поставить этого человека на ноги, тем выше будет оценка. Не забывайте, что нас сегодня ещё ждёт длинная очередь пациентов. И всем им нужно помочь.

Я кивнул, прежде чем направиться в стерильный бокс.

Да, сами целители ничего подхватить не могут. Однако это совершенно не значит, что на ту же одежду не цепляются бактерии и микробы. А потому мне предстояло пройти полную процедуру, прежде чем меня допустят внутрь.

Но как бы там ни было, я очутился у постели пожарного. Он мог шевелить только глазами, от лица осталось одно спёкшееся мясо, застывшее маской. И ничего хорошего его взгляд не отражал. Здоровый мужчина, едва подбирающийся к сорока, в одночасье ставший калекой – такое многих ломает.

— Не беспокойтесь, — обратился к нему я. — Сегодня ваши страдания закончатся.

Я не стал класть руки на него, работал с небольшого расстояния. Метёлкин зря переживал, что у меня не хватит сил его вытащить. Такой пациент как раз по мне – ведь уничтожая мёртвую плоть, я могу получить из неё силу, чтобы нарастить здоровую.

Однако прежде чем приступать, следовало погрузить пациента в сон. Он и так намучался, зачем ещё больше над человеком издеваться?

А вот дальше можно было приступать. Здоровой плоти у пожарного осталось хорошо если четверть текущего веса. Судя по медицинским записям, на последнем осмотре это был мужчина в сто девяноста сантиметров роста и сто двадцать килограммов мышц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.